

Наталья Ильина

Живущая во снах

Живущая во снах

Cici AI

18+

Наталия Ильина

Живущая во снах

<https://litres.ru/73820057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую ночь Ксения проживает другую жизнь. Во сне она — богиня, меняющая реальность усилием воли. наяву же её мир тесен: работа, кролик Шмяк, просмотр советских фильмов. После смерти бабушки, которую Ксения почти не помнит, жизнь даёт трещину. Сны перестают подчиняться. В них приходят послания, ребусы, образы, которые вторгаются в реальность и заставляют её вмешиваться в чужие судьбы.

В погоне за разгадкой Ксении предстоит столкнуться с собственным прошлым, которое она старательно забыла, с тайной своего дара видеть сны, и с мужчиной с зелёными глазами — тем, кто является ей каждую ночь.

Это роман о том, как страх превращается в силу, одиночество — в свободу, а сны перестают быть убежищем и становятся мостом. О том, что иногда, чтобы проснуться по-настоящему, нужно сначала провалиться в самую глубокую бездну. И о том, что даже самая замкнутая душа способна открыться — если за дверью стоит тот, кто готов ждать вечность.

Содержание

1. День сурка в кроличьей шкурке	4
2. Недопитое счастье	29
3. Обрывки прошлого	58
4	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Наталия Ильина

Живущая во снах

1. День сурка в кроличьей шкурке

Будильник заорал в 6:15 пронзительной трелью так, будто петуху наступили на хвост. Ксения хлопнула по телефону рукой и смахнула звонок на экране не открывая глаз. Мелодия захлебнулась на полутембре.

Она полежала ещё пару минут, прислушиваясь, как в груди медленно закипает привычная утренняя ненависть — глухая, беспричинная, почти уютная в своем постоянстве. Ненависть к настырному свету, что сочился сквозь щели в шторах, расчерчивая комнату бледно-золотыми полосками. К подушке, безвозвратно сплюсндившейся еще в прошлом году и теперь напоминавшей бесформенный блин. К собственному телу — тяжёлому, ватному, будто кто-то за ночь вылил из него всю душу, а взамен залил расплавленный свинец.

— Слышу, слышу. И тебе утро доброе, — шепнула она в сторону клетки.

Шмяк, её единственный сосед по личному микромиру, крошечный рыжий кролик с торчащей во все стороны челкой, напоминавшей пучок выгоревшей на солнце сухой травы и с вечно обиженной мордочкой, сидел в углу, нахохлив-

шись и яростно барабанил задней лапой по металлическим прутьям. Этот ритмичный грохот означал: «Я голоден, я зол, и вообще моё терпение на исходе!».

Его розовый нос, точно крошечный барабан, нервно подрагивал, выбивая беззвучный ритм, а пушистые усы трепетали от праведного гнева. Полупустая кормушка не была для него аргументом. Он принципиально требовал добавки и полного обновления трапезы. Таков был его утренний ритуал.

— Сейчас. Уже иду. Мой тиран. — Ксения открыла глаза и села на кровати.

В зеркале на тумбочке отразилась молодая женщина 28 лет, которую природа наградила с какой-то небрежной щедростью.

Тонкая талия, грудь, заметная даже под мешковатой пижамой, правильные черты лица, аккуратный нос, темно-русые волосы, что после сна спутанным каскадом спадали на плечи. Но всё это будто не имело к ней отношения. Её светло-голубые глаза, окаймленные темным ободком радужки, смотрели сонно и кисло, а вечно поджатые губы и тени под глазами ещё больше подчеркивали равнодушие к собственной красоте.

Одеяло скользнуло вниз, утягивая за собой рукав растянутой пижамы, обнажая бледное плечо с деликатной россыпью веснушек, которые она ненавидела с четырнадцати лет. Она никогда не загорала — не потому, что боялась ещё больше

покрыться ими, а потому, что солнце влекло за собой выход на улицу, а он, в свою очередь, означал встречу с людьми.

Для неё это была логическая цепочка, в которой каждый шаг превращался в преодоление невидимых барьеров.

«Ты могла бы быть моделью, — часто вздыхала мама за ужином, подкладывая ей добавку.

— Подиум, фотосессии, красивые платья — с твоей-то внешностью. Такая красота пропадает! Деньги рекой бы текли, не то что в душном офисе сидеть».

«Я по сути уже в индустрии, — отвечала Ксения. — Модель этикета для искусственного интеллекта. Мой подиум — клавиатура! Просто эта мода на цифровую вежливость, должен же кто-то учить чат-ботов хорошим манерам. И в камеру улыбаться не надо, притворяясь счастливой, и каблуки не натирают».

Мама вздыхала тяжело, протяжно, всем корпусом. Ксения вздыхала в ответ еще громче. Это был их единственный семейный дуэт — дуэт двух женщин, говорящих на разных языках.

***

За стеной слышалось знакомое шарканье войлочных тапок на кожаной подошве — мягкое, вкрадчивое. Раз-два-три — пауза у холодильника, сопровождаемая традиционным грохотом передвигаемой кастрюли. Затем невнятное бормотание, долетавшее сквозь приоткрытую дверь: «Опять хлеб не туда положила... ну что за вечный бардак... где мои

очки?...»

Маме было пятьдесят три, но двигалась она по дому с грацией уставшего танка. Она вела развивающие кружки для дошкольников в местном ДК — самозабвенно лепила с ними из разноцветного пластилина уродливых зайцев, учила буквы и тоненьким голосом пела песенки про елочку. Дети ее обожали искренне и беззаветно, потому что она разрешала им шалить и называла исключительно «мои цыплятки».

Но дома, стоило ей переступить порог, она превращалась в надзирательницу, вооруженную вечным вопросом: «Ксюша, ну почему ты не такая, как все?».

— Доброе утро, страна, — тихо прошептала Ксения своему отражению и, сунув ноги в старые пушистые тапочки-зайчики, пошла насыпать корм Шмяку.

Едва дверца клетки открылась, кролик пулей вылетел наружу, сделал три победных круга по комнате на невероятной скорости и замер у ее ног, требовательно ткнувшись теплым лбом. Она опустилась на корточки и принялась ласково чесать его за ухом, чувствуя, как внутри, в той ледяной пустоте, что обычно занимала грудную клетку, начинает разливаться единственно доступное ей тепло.

Шерстяная милота с мокрым носом и пушистыми, словно взбитыми боками, выглядела так умирительно, что на ее губах помимо воли расцвела улыбка. Мокрый нос тыкался в ладонь, дрожащие усы щекотали кожу, а сам Шмяк тихонько попискивал от удовольствия, прижимаясь к ее руке всем

своим крошечным тельцем.

Вот он — ее лучший, самый содержательный диалог за день. Без слов, но абсолютно понятный и нужный им обоим.

— Ксю-у-у-ша! — голос мамы, усиленный резонансом коридора, пробил дверь, как таран. — Ты встала? Смотри не проспи!

Голова мамы показалась в дверном проёме — встрёпанная, с наспех закрученным пучком, напоминавшим покосившееся гнездо, в длинном халате с кружевными рукавами, совершенно нелепыми в такую рань.

— Голову хоть помой, на тебя смотреть страшно! Девушка должна блистать, а не отпугивать.

Ксения вздохнула, не отрываясь от застегивания джинсов. Ее пальцы действовали на автомате.

— Я мою волосы по вторникам, пятницам и воскресеньям, — крикнула она в ответ, чеканя каждое слово.

— Сегодня четверг. В четверг по расписанию — хвостик.

— И что, что четверг?! — не унималась мама из-за двери.

— Ты на работу идешь или в монастырь?

— На работу. В монастыре, между прочим, моются тоже по расписанию, и построже моего — Ксения натянула любимый черный свитер, мешковатый настолько, что он превращал ее точеную фигуру в подобие бездомного философа.

Мама только фыркнула и покачав головой, скрылась за дверью.

Ксения на мгновение замерла, прислушиваясь к затихаю-

щим шагам в коридоре, и тихо добавила:— А ещё там не достают по утрам.

Мама за дверью издала нечленораздельный звук, полный праведного возмущения, и, проворчав что-то невнятное про «вечно умничает», удалилась на кухню.

Ксения вздохнула. В этой квартире, рассчитанной на двоих, она всегда чувствовала себя лишней — как третий ботинок в обувной паре, которому нет практического применения.

Завтрак уже ждал ее на столе — бутерброды с ломтиками желтого сыра и бледно-розовой колбасы, уложенными чуть неровно, так что края сиротливо выглядывали за корочку хлеба, и пара кружочков свежего огурца, блестящих каплями влаги.

В любимой, давно потрескавшейся кружке дымился чай, по поверхности которого, словно крошечные лодочки, покачивались два ломтика яблока, наполняя воздух легким фруктовым ароматом.

Мама снова завела свою шарманку о бренности бытия и отсутствии личной жизни, но Ксения почти не слушала — она завороченно смотрела, как солнечный луч играет на краю тарелки, и медленно, растягивая удовольствие, откусывала бутерброд, стараясь продлить эту короткую утреннюю передышку.

— Ты бы хоть тональник под глаза нанесла, — продолжала бубнить мама, смахивая крошки со стола резкими, нерв-

ными движениями.

— Вон какие мешки! Как у сторожа после бессонной ночи.

— Это не мешки, — Ксения демонстративно прожевала и сделала глоток чая.

— Это визуальный маркер повышенной когнитивной нагрузки. Лицо мыслителя. Мешки залегают под глазами у тех, кто думает. Я, как видишь, думаю много. Следовательно, мешки у меня заслуженные и являются предметом профессиональной гордости.

— Тебе бы мужика нормального, хозяйственного, а не...

— А не что? Не сидеть в интернете и не заниматься своей, как ты выражаешься, работенкой? — Ксения вскинула бровь, отставляя кружку с глухим стуком.

— Мам, твой «нормальный мужик», выражаясь твоим языком, либо бухает, либо валяется перед телевизоромверху жопой, думая что его мнение это истина в последней инстанции. Я пас. Лучше уж в монастырь.

— Тыфу на тебя. Умная нашлась.

— И тебе доброго дня, — бросила Ксения, делая еще один глоток и глядя в окно, за которым ветер трепал голые ветви тополей.

Она заметила, как мама бросила быстрый, почти неуловимый взгляд на телефон, который коротко пикнул входящим сообщением, и улыбнулась чему-то своему — мягко, почти застенчиво. Это было новым.

Обычно мама улыбалась только детям на занятиях: широко, открыто, с той особой, щедрой теплотой, которую приберегала для чужих. Сейчас же улыбка была иной — тихой, глубоко личной, словно припрятанное в шкафу любовное письмо.

Ксения невольно замерла, поймав этот непривычный момент, но спрашивать не стала. Не хотела начинать новый разговор, неизвестно чем способный закончиться. Внутреннее чутье подсказывало, что это могло подождать. Нужно было бежать на работу.

Уже стоя в дверях прихожей, кутаясь в шарф, она бросила рассеянный взгляд на столик у зеркала. Там, в простой стеклянной вазе, стоял букет свежих тюльпанов — упругих, с плотными, еще не раскрывшимися до конца бутонами, цвета запекшейся крови. Не из тех чахлых цветочков, что мама иногда покупала себе сама в супермаркете у дома. «Опять кто-то из благодарных родителей расщедрился?» — лениво мелькнуло в голове.

— Мам, я ушла! — крикнула она в глубину коридора, нащупывая ключи.

Хлопнув дверью, Ксения почти вышла из подъезда, когда в полумраке лестничной клетки столкнулась с соседкой, Ниной Петровной, — вездесущей женщиной с цепким взглядом и феноменальной способностью знать всё обо всех.

— Ой, Ксюшенька! — затараторила соседка, всплеснув руками. — А я как раз к твоей маме, хотела рецептиком по-

делиться. Слышала, за ней тут охранник из ДК ухаживает, цветы таскает — страсть! Виктор, кажется? Говорят, такой обходительный — дверь перед мамой открывает, пальто подает, ручку целует. Кавалер старой закалки!

Ксения замерла.

— Да? — она натянуто улыбнулась, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не в курсе.

— А мама разве не рассказывала? — Нина Петровна округлила глаза и понизила голос до заговорщицкого шепота.

— Ну как же! Он ведь ее уже в кино приглашал, на какую-то романтическую комедию. Правда, она пока не решается идти... Боится, наверное, что ты осудишь. А чего осуждать-то, скажи на милость? Женщина еще молодая, пятьдесят три — самый, как говорится, сок! Жизнь-то продолжается!

— Ясно, — Ксения с силой сжала дверную ручку, чувствуя, как металл холодит ладонь.

— Спасибо за новости. Я побегу, автобус ждать не будет.

Она вышла на улицу, сбежала по серым ступенькам и вдохнула колючий, пропитанный гарью весенний воздух полной грудью. Значит, Виктор. Тот самый, что вечно торчит у входа в ДК, словно памятник вежливости и спокойствия. Стрижка «ёжиком», предупредительная галантность, будто сошедшая с кадров советских фильмов, тюльпаны не в сезон. И мама, которая расцветает от знаков внимания, как фиал-

ка после долгой засухи, похоже тут все серьёзно. «С другой стороны, — подумала Ксения, ускоряя шаг к остановке, — если он готов терпеть все ее бесконечные замечания и нравоучения, то это не любовь, а форменный героизм. Дайте человеку медаль за отвагу. Нашим легче».

***

Маршрут до работы был отточен до автоматизма, превращен в бессознательный ритуал: семь минут быстрым шагом до остановки, пятнадцать минут тряски в автобусе, набитом сонными, хмурыми людьми, и десять минут пешком до офиса. Ни шага в сторону, ни одной лишней секунды, потраченной впустую.

Офис располагался в старом трехэтажном здании с облупившимся фасадом, которое когда-то было студенческим общежитием, а теперь переквалифицировалось в бизнес-центр класса «С». Полы под ногами слегка пружинили, издавая жалобный скрип, стены казались холодными на ощупь, а в воздухе, сколько Ксения себя помнила, стоял неизменный запах старой бумаги, нагретого пластика и едва уловимой горечи кофе, который здесь пили литрами.

Сотрудники ютились в кабинках, обшитых пластиковыми панелями под дерево, клетушках, подозрительно напоминавших собачьи будки. Каждая была тесной, но обладала своей индивидуальностью: кто-то украсил стены выцветшими открытками из путешествий, кто-то — распечатанными на принтере мемами, а кто-то оставил все в первозданной

казенной пустоте.

Ксения свою кабинку искренне любила. Она завесила края плотными темно-синими шторами, отгородившись от внешнего мира, поставила на стол маленький пузатый кактус, который умудрялся цвести вопреки отсутствию солнца, и повесила над монитором гирлянду с теплым, уютным желтым светом. Здесь, в этом крошечном убежище, можно было закрыться, никого не видеть, не слышать и строчить диалоги для бездушных, но послушных алгоритмов.

— Привет, мёртвая душа, — раздался сверху насмешливый голос.

Сергей, лысеющий мужчина лет сорока в несвежей рубашке с пятном от кофе, перегнулся через хлипкую перегородку.

— Опять не выспалась? Или это новый стиль макияжа? Видок у тебя, честно скажу, будто ты всю ночь в одиночку мир спасала.

— Сережа, твое лицо — это тоже своего рода произведение искусства. Допускаю, что современного и я его видимо не понимаю. — Ксения даже не повернула головы, ее пальцы уже привычно порхали над клавиатурой.

— Если бы я спасала мир, он бы давно уже капитулировал от ужаса. А я всего лишь писала диалоги для чат-бота, который теперь, кажется, умнее большинства наших коллег.

Сергей на мгновение замер, осмысливая, а потом громко рассмеялся и хлопнул ладонью по перегородке.

— Ладно, доктор словесности, сдаюсь! Но если вдруг на-

думаешь спасти мир всерьез — зови. Я могу быть полезным. Например, могу поддержать фонарик.

Ксения наконец подняла глаза, иронично изогнула бровь: — Фонарик? В эпоху смартфонов, Сереж? Ты безнадежно застрял где-то в девяностых.

— Да ладно тебе, я классика — Сергей подмигнул и скрылся за перегородкой, довольно хмыкнув.

Справа обитала Ленка — вечный проектный менеджер с выжженной дотла душой, которая в быту изъяснялась исключительно штампами офисного канцелярита. «Синхронизируемся по статусам», «Дорожная карта активностей», «Проактивная позиция». Ксения за глаза называла ее «живым шаблоном».

Сейчас Ленка как раз вещала по телефону, и ее голос разносился по офису, как заевшая пластинка: «— Да, конечно, нам нужно в обязательном порядке провести кросс-функциональную синхронизацию по блоку задач с высоким приоритетом. Иначе мы потеряем фокус и не выполним KPI....».

Слева сидел молодой стажер Коля — парень двадцати четырех лет с горящими глазами и густой волнистой шевелюрой, который по какой-то неведомой причине решил, что Ксения — женщина, которую он обязан завоевать.

Он заглянул в её кабинку, деликатно постучав костяшками пальцев по пластику, и протянул распечатку с загнутыми углами.

— Ксень, а Ксень, — начал он, переминаясь с ноги на но-

гу, — ты не подсказешь, как вот это по-человечески сформулировать? Тут нужно написать клиенту, что мы немного задержимся с ответом, но без самого слова «задержка».

Ксения мельком взглянула на корявые строчки, вздохнула и откинулась на спинку кресла:

— Коля, смотри и запоминай. Пиши так: «В настоящий момент мы активно прорабатываем ваш запрос в рамках приоритетных задач, чтобы предложить наиболее эффективное решение. Искренне благодарим за проявленное терпение и доверие».

— Вау... — выдохнул Коля, быстро набивая в заметках. — И это всё — про одну и ту же задержку?! Обалдеть, как так, из какой-то банальщины получилось что-то такое... солидное, почтительное?

— Согласись, это звучит так, будто мы не тормозим, а «активно прорабатываем». И клиент чувствует себя важным, а не обманутым. Магия канцелярита, Коля. Учись.

— Понял, принял, — он улыбнулся. — Ты реально гений. Если даже я повелся, клиент и подавно купится. И ещё, небось, подумает: «Какие внимательные ребята!»

— Это не гений, Коля, — Ксения снова уткнулась в монитор, давая понять, что аудиенция окончена.

— Это опыт долгого и мучительного общения как с живыми людьми, так и с чат-ботами. И, поверь, первые зачастую требуют гораздо больше усилий. Иди работай.

— Спасибо, Ксень! — бросил Коля через плечо, уже ша-

гая к своему столу. Он был из тех редких людей, кто воспринимает советы как рабочий инструмент, а не как повод для долгих благодарностей. Ксения это уважала, но ровно настолько, чтобы не поддерживать диалог дольше пяти минут.

Она сделала глоток остывшего, горького чая и вернулась к строчкам кода — там, в мире переменных и алгоритмов, все было логично и предсказуемо. Никакой импровизации, никаких чувств.

Она печатала, сосредоточенно глядя в экран. Задача на сегодня была проста и оттого вдвойне невыносима: написать сценарий для бота-психолога в приложении, которое должно помочь тревожным молодым мамам почувствовать себя спокойнее и увереннее. Бриф гласил: «Добрый, заботливый, оболакивающий тон. Категорически без черного юмора. Без иронии. Без отсылок к чему-либо негативному. Только позитив и принятие».

— Без черного юмора, — пробормотала Ксения себе под нос, яростно вбивая первые строки.

— Хорошо, я напишу про цветочки, радугу и розовых пони. И про то, что жизнь — это, в сущности, бесконечная боль, но мы героически справимся.

Она застучала по клавишам: «— Здравствуйте! Прежде всего, позвольте сказать, что я понимаю, как вам сейчас трудно. Ваши чувства абсолютно нормальны и важны.

— Расскажите, что вас беспокоит больше всего? Я здесь,

чтобы выслушать и поддержать.

— Вы замечательная, чуткая мама, и ваш ребенок вас очень любит. Помните об этом в самые сложные минуты».

Каждая фраза, для нее, отдавала приторной фальшью, как пластиковые похоронные венки, которые не вянут и не пахнут.

Вживую Ксения говорила иначе: «Если тебе плохо — иди к дипломированному психологу, я не бесплатный жилет для слез» или «Твои проблемы не становятся моими, но спасибо, что поделилась, теперь депрессия обеспечена нам обеим».

Она была сценаристом для чат-ботов ровно потому, что с блестящим мастерством умела писать то, чего никогда в жизни не чувствовала. Профессиональный цинизм. Или клиническая неспособность к эмпатии — тут уж с какой стороны посмотреть.

В 11:00 на рабочем мессенджере высветилось лаконичное сообщение от шефа: «Ксения, зайдите ко мне, есть разговор».

Она вздохнула и выглянув из кабинки, подняла глаза на стеклянный куб начальственного кабинета. Шеф стоял в дверях, глядя на нее с выражением, которое она давно и метко окрестила «взглядом вечно удивлённого хомяка», смесь растерянности и важности.

Ксения встала из-за стола, поправила рукава свитера и направилась к начальству, стараясь не улыбаться.

— Ксения, у нас правки от заказчика, — начал он, поти-

рая переносицу. — Им хочется добавить в скрипт фразу «Вы сильная женщина, и вы со всем справитесь». Как ты думаешь?

— Клише чистой воды, из разряда «всё будет хорошо» и «утро вечера мудренее», — хмыкнула Ксения, прислонившись к косяку.

— Сильная женщина и так это о себе знает, ей не нужны костыли. А слабой такие слова — что мёртвому припарка, не помогут, только лишний раз укажут на ее беспомощность. Но ладно, раз просят — добавлю. Напишу, что вы лично просили это передать.

Шеф усмехнулся уголком рта, но, как всегда, не понял до конца, издевается она или говорит всерьез. Ксения лишь ободряюще подмигнула и, развернувшись, побрела обратно в свою «будку».

***

В 13:00 голод погнал ее на первый этаж, в убогую офисную столовую, гордо именовавшуюся «Кафе-Лаунж». Очередь змеилась человек на пять. Впереди стояла бухгалтерша Зинаида Петровна, дама монументальных форм, и громогласно жаловалась на «эти ваши чертовы интернеты».

Ксения машинально кивала, а сама прикидывала, что бы такое взять, чтобы и голод утолить, и не засиживаться дольше семи минут. Скорость поглощения была в приоритете, а не польза — таков закон обеденного перерыва, когда каждый час на счету.

— Представляешь, Ксюш, — кипятилась Зинаида Петровна, — опять этот интернет меня подвел! Хотела с утра пораньше срочный платеж через онлайн-банк запустить — а сайт не открывается, хоть ты тресни. Висит, зараза, и всё. Позвонила в техподдержку — а там этот бездушный робот бубнит: «Ваш звонок очень важен для нас, ожидайте ответа оператора». Жду уже полчаса, слушаю дурацкую музыку! Да я бы за это время пешком до банка сбегала и уже обратно вернулась.

— Зинаида Петровна, — спросила Ксения, когда очередь наконец сдвинулась на шаг, — признайтесь честно: если бы интернет был осязаемым человеком, вы бы его сейчас задушили собственными руками? Я правильно понимаю градус вашей ненависти?

— Ой, Ксюша, ну что ты опять такое говоришь! — пожилая бухгалтерша улыбнулась, и ее щеки зарделись.

— Да я не злюсь на него, я просто не понимаю. Он ведь вроде как должен людям жизнь облегчать, а у меня от него только хлопот да нервотрепки прибавилось.

— Это потому, что он с вами на принципиально разных языках разговаривает, — хмыкнула Ксения, изучая скудное меню.

— Вы пытаетесь заставить его изъясняться по правилам орфографии, которые были актуальны во времена пишущих машинок. Вот он и капризничает, как избалованный ребенок.

— И что же мне теперь, учить его грамматике? — рассмеялась Зинаида Петровна, беря поднос.

— Начните хотя бы с пунктуации, — подмигнула Ксения. — Глядишь, научится ставить точки в нужных местах и перестанет зависать на запятых.

Обе рассмеялись, и Зинаида Петровна, взяв свой суп, салат с курицей и стакан чая, кивнула на прощание:

— Спасибо, Ксюша. С тобой хоть повеселишься от души между этими бесконечными платежами и ошибками сервера. — И проследив взглядом, как Ксения выбирает сэндвич с ветчиной и сыром, мягко добавила:

— Ты уж заходи в бухгалтерию, я тебя домашними пирожками угощу.

Ксения обернулась, и благодарно кивнула.

Взяв свой тоскливый сэндвич и стакан апельсинового сока, она направилась обратно в своё убежище. Терять время на посиделки в кафе ей не хотелось. Там она быстро, почти не жуя, перекусила — на все про все ушло ровно семь минут, — запила соком и откинулась на спинку кресла, чувствуя тяжесть в желудке.

«Быстрая еда для быстрой жизни, — пронеслось в голове. — Только куда я так спешу? Никуда...».

Она не чувствовала горечи от этой мысли. Днём работала только ее голова — холодный, расчетливый процессор. Сердце включалось строго по расписанию: после восьми вечера, когда можно было лечь в кровать и расслабиться.

***

Ровно в 18:00 — ни минутой раньше, ни минутой позже, с точностью фабричного хронометра — Ксения отключила компьютер, а также рабочий телефон и уведомления во всех мессенджерах.

— Свобода, — тихо сказала она пустой кабинке, поправляя кактус.

— До завтра, моя маленькая Голгофа.

Она вышла в общий зал, где уже царило предвкушение конца рабочего дня. Кто-то натягивал пальто, кто-то лихорадочно дописывал последние письма.

— Ксень, ты уже уходишь? — окликнул ее Коля, отрываясь от монитора, и его глаза зажглись щенячьим восторгом.

— Слушай, а может, сходим куда-нибудь сегодня вечером? В кино, на какую-нибудь премьеру, или хотя бы в кафешку? Тут за углом открылось одно место, там сегодня специальный бургер подают с голубым сыром, я угощаю!

Ксения остановилась, слегка повернула голову и бросила через плечо с выражением легкой скуки:

— Спасибо, Коля, за такое щедрое предложение, но я предпочитаю одиночество в компании самой себя. К тому же сегодня я исчерпала лимит общения с представителями человеческого рода. Боюсь, если заговорю еще хоть с одной живой душой, у меня сработает аварийное отключение системы, и ты будешь нести ответственность за мое бездыханное тело.

В зале раздались смешки. Кто-то из старших коллег хлопнул упавшего духом стажера по плечу:

— Видал, Колян? Беспощадная. Как роза с шипами.

— Зато честно, — Ксения обернулась и милостиво подмигнула.

— Всем пока, до завтра. И да пребудет с вами продуктивность!

— И с тобой, — хмыкнул кто-то из кабинок. — Хотя тебе, кажется, она уже и не нужна — ты и так все успеваешь быстрее всех.

Ксения лишь махнула рукой на ходу, скрываясь за поворотом серого, пахнущего сыростью коридора.

Она сделала глубокий, полной грудью, вдох, выходя на улицу. Вечерний воздух был колючим, но удивительно свежим, как раз таким, чтобы идти не спеша, никуда не торопясь, смакуя сам процесс.

«Быстрая еда для быстрой жизни», — снова всплыла в голове мысль. Голод дал о себе знать. И она прибавила шаг. По пути она заказала доставку из китайского кафе: острую лапшу, рис с овощами в кисло-сладком соусе и спринг-роллы. Знала, что мама будет злиться: «Опять выкидываешь деньги на эту отраву, я же готовила свеженькое, домашнее!».

Но сегодня, хотелось чего-то запретного, острого, приправленного глутаматом. Пусть даже это «вкусненькое» привезут в пластиковых контейнерах.

Дома она, словно тень, прошмыгнула мимо мамы, кото-

рая, уютно устроившись в кресле, смотрела очередной бесконечный сериал — мыльную оперу про измены, коварные интриги и богатых негодяев, страдающих от собственной вседозволенности.

Мама даже не обернулась, увлеченная экранными страстями, только буркнула в пространство:

— Еда на плите. Суп с фрикадельками и гречка с котлетой. Всё горячее, всё с материнской заботой.

— Я уже заказала доставку, — коротко ответила Ксения, стягивая опостылевший свитер.

— Ну и зря, — вздохнула мама, не отрываясь от экрана, где героиня как раз заламывала руки.

— В этих твоих доставках одна химия. А у меня куриный супчик, свежий, полезный, как ты в детстве любила.

— Спасибо, мам, в другой раз, — бросила Ксения, ускоряя шаг в сторону своей комнаты, словно за ней гнались.

— Как знаешь, — вздохнула мама, не отрываясь от экрана.

Когда курьер принес заказ, Ксения сервировала ужин по-своему: себе — дымящуюся порцию риса с овощами в ароматном соусе, а Шмяку — свежее сено и горстку гранулированного корма.

Но план был нарушен в считанные секунды: кролик, мельком взглянув на свою миску, повел носом и переключился на хозяйскую тарелку. Он поднялся на задние лапки и уставился на Ксению влажными глазами, полными безмолвной,

вселенской мольбы. Ксения не выдержала и рассмеялась — первый раз за день искренне.

Она достала ему сочный, хрустящий ломтик моркови из своей порции. Шмяк, издав победное урчание, утащил добычу под диван и принялся за трапезу, время от времени издавая довольное похрустывание. Ужин продолжился в тишине и гармонии.

В 20:00, ровно по расписанию, Ксения включила телевизор. На экране замелькали до боли знакомые титры: «Москва слезам не верит». Она давно сбилась со счета, сколько раз смотрела этот фильм — счетчик перевалил за четвертый, а может, и за пятый десяток.

Этот месяц был официально объявлен месяцем «Москвы», в следующем, наверное, будет «Кин-дза-дза» или «Любовь и голуби».

У неё давно сложилась собственная система кинотерапии, жесткий календарь, где каждому месяцу соответствовала одна проверенная картина, не способная причинить боль или разочаровать.

Она знала картину наизусть: могла предугадать следующую реплику за секунду до того, как актёр открывал рот, угадывала паузы с точностью хронометра, чувствовала интонации так, будто сама репетировала эти диалоги годами.

— « Не учи меня жить, лучше помоги материально!» — бодро отчеканила Людмила в сцене в общежитии, и Ксения невольно улыбнулась, словно встретила старую приятельни-

цу.

Это был ее вечерний ритуал, ее спасительная капсула спокойствия. Как старый, вязанный бабушкой плед, который можно накинуть на плечи после дня, набитого людьми, пустыми разговорами и бесконечными задачами.

Мама заглянула в комнату, окинула взглядом экран и привычно вздохнула, сложив руки на груди:

— Ты бы хоть что-то новое для разнообразия посмотрела. Весь месяц одно и то же, как заезженная пластинка. Есть же столько интересного кино, сериалов.

— А мне нравится предсказуемость, — не отрываясь от экрана, ответила Ксения, подтягивая колени к груди. — И безопасность. Никаких сюрпризов, никакой драмы за пределами сценария.

— Да ну? — усмехнулась мама, качая головой.

— И в чем же интерес такого... однообразия?

— Я знаю, чем всё закончится, и это успокаивает. — Ксения чуть повернула голову.

Мама покачала головой, но спорить не стала.

— Ну, смотри. Лишь бы тебе нравилось в твоём добровольном заточении, — пробормотала она и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Перед уходом Ксения заметила, как мама снова бросила взгляд на экран телефона и едва заметно, по-девичьи порозовела. Определенно, Виктор. Но спрашивать Ксения опять не стала.

Она откинулась на подушку, плотнее укуталась в плед и снова сосредоточилась на экране. В этом фильме всё было на своих местах — и герои, и слова, и даже паузы. В отличие от реальной жизни, где паузы часто затягивались, а слова не находились. И пусть она ещё не досмотрела картину до конца — главное было не это, а ощущение стабильности, которое дарил каждый знакомый кадр.

В 21:00 фильм еще не кончился, но она выключила телевизор на середине фразы. Часа погружения в чужую реальность хватило, чтобы полностью разгрузить голову от шума и рабочих скриптов. Завтра она продолжит с того же места.

— Спокойной ночи, Шмяк.— прошептала она в сторону клетки.

Кролик уже спал, свернувшись рыжим пушистым клубком в углу. Даже он, маленький пушистый тиран, жил по строгому расписанию.

Ксения легла в постель, погасила ночник и закрыла глаза. Комнату окутала бархатная темнота. И впервые за весь бесконечно длинный, наполненный фальшью и чужими голосами день она улыбнулась по-настоящему — свободно и радостно.

Потому что впереди была лучшая часть ее жизни. Ночь. У ночи не было расписания. Не было мамы с ее вечными вздохами и наставлениями. Не было душного офиса и чат-ботов, требующих слащавой лжи. Не было Коли с его влюбленными, ищущими глазами.

Ночью оставалась только она и бесконечный, непредсказуемый, дивный мир, где нет границ для фантазии. Там она могла быть кем угодно. Там она дышала полной грудью. Там она обретала саму себя.

— Ну давай, — прошептала Ксения в мягкую, обволакивающую темноту.

— Удиви меня сегодня.

Темнота ответила глубоким, убаюкивающим вздохом. Веки сомкнулись, и Ксения поплыла — не в сон, а в промежуточное состояние между мирами, где время течет по иным законам, а затаенные мечты обретают плоть и кровь. Где-то вдалеке, на самой границе слышимости, зазвучал такой родной, до боли любимый, чуть хрипловатый голос, от которого сладко защемило сердце. И она шагнула ему навстречу.

2. Недопитое счастье

Утро началось не с будильника.

Ксения даже не сразу поняла, что уже не спит — настолько плавным, невесомым был переход из небытия в явь. Первым, что дошло до её сознания, стало прикосновение: чьи-то тёплые, мягкие губы медленно, почти благоговейно целовали её плечо, поднимаясь от ключицы к шее. По коже побежали мурашки, и она улыбнулась, ещё не открывая глаз.

— Доброе утро, соня, — прозвучал низкий, чуть хриловатый голос, тот самый, от которого внутри у неё всегда что-то сладко обрывалось и летело вниз, будто в детстве на качелях.

— Ммм, — только и смогла протянуть она, зарываясь лицом в подушку и глубоко вдыхая её аромат. Она замерла на доли секунды, прислушивалась к запахам, позволяя им пробудить в памяти самые тёплые воспоминания.

Подушка пахла лавандой, нежным, обволакивающим ароматом, который мягко убаюкивал и снимал напряжение. Но за этой лавандовой вуалью пряталось то, что заставляло её сердце биться чуть чаще. Его запах. Он окутывал, как тёплый плед: древесные ноты, глубокие и благородные, напоминали о нагретой на солнце коре старого кедра, а поверх них, тонкий, свежий акцент солнечного, летнего лимона. Из глубины

комнаты, словно эхо утренних ритуалов, пробивался аромат свежесваренного кофе, мягкий, с шоколадным оттенком.

Это был запах дома, места, где тебя понимают без слов. Запах человека, с которым можно молчать, смеяться, плакать — и оставаться абсолютно, безоговорочно собой.

— Дети уже встали, — продолжил он, и в голосе послышалась улыбка — та, которую всегда можно было услышать раньше, чем увидеть. — Лёшка героически пытается накормить Полину йогуртом. Я бы сказал, что у него получается просто виртуозно, но врать тебе не стану: половина йогурта уже на столе, а половина — на его свежей футболке.

Ксения наконец распахнула глаза и повернулась к нему всем телом, вскинув руки вверх. Он лежал рядом, опираясь на локоть, — свежий, бодрый, с аккуратно зачёсанными тёмными волосами, в которых у висков серебрилась ранняя, благородная седина.

Ни следа сна на лице, зато в глазах плясали искорки смеха и такого неприкрытого обожания, что она на мгновение задохнулась. Его взгляд обрамляли длинные густые ресницы, подчёркивая загадочность, столь свойственную мужчинам восточного типа. Зелёные глаза с золотистыми крапинками вокруг зрачка дополняли образ. Этот взгляд казался ей дверью в какойто особенный, только для неё существующий мир.

— То есть ты уже успел поднять всех, сварить кофе, приготовить завтрак и предотвратить международный скандал в

виде пролитого йогурта? — Ксения потянулась, словно кошка, чувствуя, как хрустят позвонки, как по мышцам разливается приятная истома.

— Ну, международный скандал пока на паузе, — подмигнул он и кончиками пальцев убрал упавшую ей на лицо прядь волос. — Зато на кухне тебя ждут кофе с оладьями и авокадо. И, если поторопишься, бонус: предмет современного искусства кисти Полины. Она нарисовала наше семейное древо и, кажется, снабдила каждого из нас крыльями.

— Крыльями? — Ксения рассмеялась — легко, переливчато, как умела только здесь. — Звучит многообещающе. Мы что, ангелы?

— Именно. По версии нашего младшего искусствоведа, мы ангелы-хранители. Я лично не удивлён. — Он потянул за край ее сорочки, скользя рукой по бедру. — Покажи-ка мне свои крылышки ангелочек. — Длинная белая сорочка из тончайшего шёлка цвета слоновой кости, небрежно собралась на бёдрах, открывая красивые, точеные ноги.

— Лъстец. — Она подалась вперёд и быстро чмокнула его в тёплую, чуть колючую щёку. — Но это лучший способ проснуться, я тебя прощаю.

— Всегда к твоим услугам, — он поднялся первым, и она в который раз залюбовалась его фигурой: широкие плечи, загорелая спина, рельефные мышцы под кожей и на левой лопатке могучий восточный дракон, с изящно изогнутым телом и гривой, вытатуированный тонкими тёмными линия-

ми. Он обошел кровать и протянул ей руку.

— Идём? Кофе остывает, а Полина требует полного состава зрителей для презентации.

Ксения вложила ладонь в его руку — горячую, сухую, надёжную — и легко поднялась с постели. Утро начиналось именно так, как она всегда мечтала втайне от самой себя: с его улыбки, взрыва детского смеха из соседней комнаты и с ощущением, что все шестерёнки мира наконец-то встали на свои места.

Здесь, в этом мире, она носила другое имя. Но думала о себе как о Ксении — это была её тайная контрабанда, ниточка, что связывала этот мир с тем, другим. Она давно научилась не вмешиваться в логику сна волевым усилием, хотя могла бы. Однажды она случайно переписала целый эпизод сна, просто нахмурившись, и с тех пор знала о своей странной власти. Но пользовалась ею редко, почти никогда. Ей нравилось думать, что всё происходит по-настоящему, независимо от неё. Что эта жизнь — не сценарий чат-бота, а живая, полная красок и неожиданностей реальность.

Она подошла к старинному зеркалу, в чуть мутноватой овальной раме, помнившей, казалось, ещё прабабушкины балы. Оттуда на неё смотрела женщина, которую она узнала не сразу и с которой знакомилась заново только в этом сне. Тонкая, гибкая, с рыже-каштановыми волосами ниже плеч, уложенными мягкими волнами. Кожа — цвета топлёного молока, с едва заметным золотистым подтоном. Лицо

скуластое, с тонким носом и полными, чётко очерченными губами, которым не нужна была помада. Лишь глаза, ясные, светло-голубые с тёмным ободком — единственное, что во всех мирах оставалось с нею.

— Неплохо, — сказала Ксения вслух, поворачиваясь боком. Грудь была чуть меньше, чем в её «родном» теле, зато талия ещё тоньше, а изгиб бёдер мягче. — Я бы даже сказала, очень неплохо.

— Ты сегодня особенно красивая, — сказал он, подходя сзади и обнимая её за плечи. Его тёплые ладони мягко скользнули вдоль её рук, задержавшись на локтях, а дыхание едва ощутимо коснулось виска.

Их отражения в зеркале сложились в картинку, достойную обложки журнала, и у Ксении сладко сжалось сердце. Она невольно залюбовалась этой парой: его высокая фигура за её спиной, тёмные волосы, небрежно зачесанные назад, её — в лёгкой шёлковой сорочке, с распущенными локонами, падающими на плечи. В этом отражении было что-то волшебное, нереальное.

— Я и вчера была красивая, — тихо ответила она, слегка склонив голову к плечу и прижимаясь щекой к его руке. В голосе прозвучала лёгкая игривость, но за ней угадывалась затаённая потребность в его словах, в его внимании.

— Я знаю, — улыбнулся он, чуть крепче сжимая объятия. — Мне просто нравится тебе об этом напоминать. Нравится видеть, как загораются твои глаза, когда я это говорю. Нра-

вится ловить тот миг, когда ты чуть заметно краснеешь, даже если стараешься этого не показывать.

Она на мгновение замерла, впитывая эти слова, а затем тихо, почти шёпотом, призналась:

— И правильно делаешь.

Его пальцы осторожно коснулись её подбородка, мягко поворачивая её лицо к себе. В зеркале их взгляды встретились — в его глазах плясали тёплые искорки, в её — читалась безмолвная благодарность и нежность, которую не нужно было облекать в слова.

***

Ксения накинула атласный прохладный халат и ведомая запахом кофе, вышла из спальни.

Кухня встретила их солнцем, шумом и хаосом. Лёша — семилетний вихрастый мальчишка с её глазами и его упрямыми ямочками на щеках — сидел на стуле по-турецки, потому что нормально сидеть ему, кажется, было физически невозможно. Перед ним стоял стаканчик с йогуртом, который он пытался скормить сестре, и тарелка с почти уничтоженными оладьями. Полина, трёхлетняя копия отца, с задорными косичками и бантиками, восседала на своём стульчике с видом королевы и, размахивая ложкой, дирижировала процессом:

— Лёса, дай дай мне ещё! Лёса, не ту ложечку! Лёса, я хочу касную!

— У нас нет красной ложки, — с завидным терпением,

явно унаследованным от отца, объяснял Лёша. — Есть синяя. И зелёная.

— Тогда пусть папа купит. — Полинка с дрожащими губами, крутила головой в поисках папы и встретившись с ним взглядом жалостливо залепетала:

— Папа, купи касную ложку! Босую - плибосую! Я не хочу синюю! — Её глаза уже наполнялись слезами.

— Папа купит, обязательно купит — раздался успокаивающий голос мужа, который как раз обходил её с горячей кофеваркой в руках и ловко лавировал между детскими стульями. Он поставил кофеварку на стол, нежно поцеловал дочку в макушку, и слегка пощекотал под подбородком, отчего она звонко рассмеялась. Затем взял синюю ложку и «превратив» её в микрофон, подмигнул и театрально поклонился:

— Внимание, внимание! Синяя ложка объявляет конкурс красоты! Кто хочет самую красивую ложку?

Полина засопела, всем своим видом выражая крайнюю степень негодования, но ложку взяла.

Ксения опустила на стул и оглядела стол. Перед ней уже стояла тарелка с пышными румяными оладьями, с золотистой хрустящей корочкой и манящими пузырьками масла. Рядом хрустальная вазочка, полная вишнёвого, тягучего варенья, с целыми ягодками, что поблёскивали в густом рубиновом сиропе. Половинка авокадо посыпанное чёрной солью. И кофе — ароматный, чёрный как ночь, в её любимой белой фарфоровой кружке без единой потертости. Здесь во-

обще всё было идеальным, даже посуда.

— Мам, мама смотли! — Полина подняла над головой лист бумаги, разрисованный фломастерами так яростно, что края чуть порвались.

— Это наше делево! Мы все летим!

Ксения склонилась над рисунком. На корявых ветвях генеалогического дерева, она подозревала, что это именно дерево, сидели четыре фигурки с разноцветными крыльями: большие папа и мама, поменьше — мальчик и девочка.

— Это просто шедевр, — искренне выдохнула Ксения. — Крылья — это лучшее, что я видела за последние сто лет. — Она распахнула глаза шире, прижала ладони к щекам.

— Какие же они красивые, эти крылья! У меня — розовые с блёстками, у папы — синие, как небо А твои с братом — жёлтые и оранжевые, будто солнышко! Ты сама придумала такие цвета?

Полина закивала, сияя от гордости, и потянулась к маме, чтобы обнять её за шею. Ксения прижала дочку к себе, поцеловала в висок и прошептала:

— Ты у меня настоящая художница.

— Мам, а тётя Даша написала, что у неё родились щенки, — встрял Лёша, чуть подпрыгивая на стуле и стараясь привлечь к себе внимание. — Мы ведь поедем смотреть? Сегодня? Ты обещала! — он отодвинул злополучный йогурт и поглядел на неё огромными, круглыми глазами, в которых уже пылал пожар предвкушения.

— Поедем, — кивнула Ксения, откусывая оладью. — Сразу после завтрака.

— А можно я выберу? Себе. Одного.

— Можно. — Ксения улыбнулась, протянула руку и ласково взъерошила ему волосы: — Но у меня есть условие, и ты его знаешь. Щенок — это не плюшевая игрушка. Его нужно будет кормить, гулять с ним в любую погоду, даже в дождь. И убирать за ним. Ты готов убирать?

— Я буду! Клянусь!

— Ты говорил то же самое про кролика, а в итоге он переехал к бабушке — напомнила Ксения и тут же осеклась, услышав это слово. Кролик. Откуда-то из глубин подсознания всплыл пушистый рыжий комок. Шмяк. Но здесь, в этом мире если и был какой-то кролик, то совершенно другой. Чужой.

— Кролик был ску-учный, — безапелляционно заявил Лёша. — Он только спал и ел. А корги — это совсем другое. У них попы виляют! И они лают громко, и бегают быстро, и могут охранять дом!

Он вскочил со стула, изобразил, как виляет хвостом, и залалял, смешно подпрыгивая:

— Гав-гав! Смотри, мам, вот такой будет наш корги!

Ксения поперхнулась кофе и закашлялась.

— Что-что у них виляет? — переспросила она, вытирая губы салфеткой.

— Попы! — с видом мирового эксперта повторил Лёша.

— Я в интернете смотрел. У корги нет хвостов, поэтому у них виляет вся попа. Это наука.

За её спиной раздался низкий, рокочущий смех мужа. Ксения закрыла лицо ладонью, чувствуя, как плечи трясутся от хохота.

— Боже, — проговорила она сквозь пальцы. — Зачем я разрешила тебе это всё смотреть.

— Затем, — ответил муж, садясь напротив с кружкой кофе и всё ещё усмехаясь, — чтобы он просвещал нас, тёмных родителей, в вопросах собачьей анатомии. Сын растёт интеллектуалом.

Полина, до этого молча наблюдавшая за происходящим с широко раскрытыми глазами, попыталась вылезти из стульчика.

— Я тоже колги! У меня тоже попа виляет! — с восторгом объявила она и звонко гавкнула:

— Гав! — потом ещё раз, уже увереннее: — Гав-гав!

— Я больше не могу. — Ксения, не выдержав, рассмеялась в голос, откинулась на спинку стула и вытерла выступившие от смеха слёзы.

— Можешь. Ты сильная женщина. — Муж наклонился к ней через стол, и ободряюще похлопал её по руке.

— Всё, теперь у нас дома будет не одна собака, а три. — Муж, наблюдая за этой суматохой, покачал головой, и расплылся в улыбке.

Он поднял кружку, словно провозглашая тост:— Что ж,

похоже, решение принято единогласно. Семья голосует за щенка. Осталось только выбрать самого виляющего.

— Ура! — хором закричали дети.

Ксения посмотрела на их сияющие лица, на мужа, который подмигнул ей с понимающей улыбкой, и почувствовала, как внутри разливается тепло.

После завтрака Ксения привела себя в порядок быстро и без обычной суеты: умылась ледяной, пахнувшей ромашкой водой, уложила волосы, надела узкие джинсы и тонкий кашемировый свитер небесноголубого цвета, под которым не было ничего, — здесь можно было не прятать грудь под мешковатой тканью и не сутулиться.

Муж, проходя мимо, замер в дверях. Вздёрнув брови, он посмотрел на неё, тем самым долгим взглядом, от которого у неё всегда сладко, томительно ныло где-то внутри.

— Не смотри так, — сказала она, не оборачиваясь и поправляя волосы у зеркала. Её пальцы слегка дрогнули, и она поспешила спрятать это движение, проведя ладонью по прядам ещё раз.

— Даша нас уже ждёт.

— Мы никуда не опаздываем, — мягко ответил он, бесшумно приближаясь сзади.

Она почувствовала его тепло ещё до того, как он обнял её — будто воздух вокруг стал гуще, насыщеннее, наполнился знакомым запахом его одеколона с нотами кедра и цитруса. Он осторожно положил ладони на её талию, чуть сжал, а

затем медленно провёл вверх вдоль позвоночника, вызывая лёгкую дрожь. Уткнувшись носом в макушку, он тихо добавил:

— У нас суббота. А по субботам можно смотреть как угодно и сколько угодно.

Ксения закрыла глаза, позволяя себе на мгновение раствориться в этом прикосновении. Её дыхание чуть сбилось, а губы невольно тронула улыбка — не показная, а настоящая, мягкая, предназначенная только ему.

— Суббота, — повторила она шёпотом, пробуя слово на вкус, словно оно было чем-то драгоценным.

Он слегка повернул её к себе, осторожно взял за подбородок и заставил посмотреть в глаза. В его взгляде читалось столько нежности, что у неё перехватило дыхание.

— Знаешь, что ещё лучше субботы? — спросил он, чуть понизив голос. — То, что она наша. Вся целиком.

Он обнял её крепче, поцеловал в висок и тихо произнёс:— И все остальные дни тоже.

***

Дом Даши стоял в конце зелёной, утопающей в кустах сирени улицы, где деревья смыкали кроны над головой, образуя лиственный тоннель. Белый, с изумрудно-зелёной крышей и просторной верандой, на которой вечно пахло чабрецом, мятой и старым, нагретым солнцем деревом. Ксения любила этот дом почти так же отчаянно, как свой собственный.

Даша с мужем встретила их на крыльце. Андрей — муж Даши, высокий худощавый мужчина средних лет, с короткой ухоженной бородой и очках — стоял, скрестив руки, и слегка улыбался. Было в нём что-то профессорское, он явно предпочитал работать головой, а не руками.

Она напротив, вся светилась: румяная, круглолицая, с заборными ямочками и в цветастом переднике, припорошённом мукой. Пахло от неё корицей и яблоками, и Ксения сразу поняла: сегодня будет пирог.

— Ну наконец-то! — Даша сграбастала её в объятия с такой силой, что у Ксении хрустнули рёбра. — Я уже испекла пирог. С яблоками, как ты любишь. И с корицей.

— Ты знаешь, как достучаться до моего сердца, — улыбнулась Ксения, обнимая подругу в ответ.

— Знаю, конечно. Что еще нужно для счастья — пирог, хороший кофе и чтобы никто не ныл.

— Ныл — это про меня? — раздался голос мужа Ксении, который уже помогал детям выгружаться из машины.

— Нет, ты у нас герой. Ты не ноешь, ты философствуешь. А она ноет, — Даша ткнула пальцем в Ксению, особенно по утрам, если надо рано вставать. Я её знаю.

Дети с гиканьем умчались в сад, к вольеру, откуда уже доносились взволнованный лай, топот маленьких лап и невероятно счастливый визг. Дети явно добрались до щенков. Мужчины переглянулись. И кивнув на сад, отец семейства с искренним беспокойством произнёс:

— Пойду, проконтролирую, чтобы потомство не передумало щенков от избытка чувств.

— Я с тобой, — подхватился Андрей, рассеянно на ходу поправляя очки. — Заодно обсудим, почему этот чёртов газон на заднем дворе растёт быстрее, чем я его стригу. У тебя же есть электрокосилка? Можешь одолжить?

— О, у меня не просто косилка, а чудо инженерной мысли, роторная, с регулируемой высотой скашивания. — Их голоса, удаляясь, слились в привычный мужской разговор, и Ксения с Дашей остались на веранде одни.

Чай был заварен в прозрачном стеклянном чайнике — с мятой, кружочками лимона и тонкими, почти прозрачными лепестками имбиря, которые медленно кружились в кипятке, как медузы. Пахло так, что хотелось не глотать, а просто вдыхать этот пар, сидеть и дышать бесконечно. Пирог лежал на деревянной доске, присыпанный облаком сахарной пудры, и от него шёл тонкий, головокружительный пар. Ксения отрезала себе щедрый кусок и зажмурилась от удовольствия прежде, чем его попробовать.

— Ты сегодня какая-то другая, — сказала Даша, разливая чай по широким, устойчивым чашкам с подсолнухами.

— В каком смысле другая? Похудела? Поправилась? Со-старилась на пару веков? — Ксения слизнула сахарную пудру с пальца.

— Спокойнее, что ли. Обычно ты вечно куда-то мысленно бежишь, даже когда сидишь на месте. А сегодня... сидишь,

как большая довольная кошка на солнце. Мурлыкать не пробовала?

Ксения задумалась на мгновение. Даша была права, чертовски права. Обычно она в этом мире всё время ощущала лёгкое, необъяснимое беспокойство — не страх проснуться, нет, а чувство, будто нужно успеть всё и сразу: наговориться, наобниматься, насмотреться, пока время не утекло сквозь пальцы. Но сегодня — нет. Сегодня она просто жила, дышала этим воздухом, этой сиренью, этим смехом.

— Может, потому что суббота, — сказала она вместо сложных объяснений.

— Может, — Даша пододвинула к ней второй кусок, не спрашивая. — Ешь. Ты слишком худая для женщины, у которой муж так смотрит.

— Как — так? — Ксения вскинула глаза.

— Как на последнюю шоколадку в мире. Как на сокровище, которое он нашёл и теперь боится, что украдут. Даже не знаю, завидно мне или умилительно.

Ксения засмеялась и откусила пирог. Яблоки внутри оказались чуть кисловаты, с терпкой, вяжущей ноткой, корица окутала язык мягкой пряностью, а рассыпчатое, но при этом удивительно нежное тесто таяло на языке. Она прикрыла глаза от удовольствия.

— Боже, Дашка, как вкусно. Ну как ты это делаешь?

— Это бабушкин рецепт. Я тебе уже не раз говорила. Ты сто раз просила и сто раз забывала записать.

— Потому что я журналист, а не кулинар, — вздохнула Ксения с улыбкой. — В моей профессии главное — слова, а не пропорции. Словами жонглировать умею, а с мукой увы, гармония не складывается.

— Да, ты у нас мастер заговаривать зубы, — ухмыльнулась Даша. — Пойдём-ка лучше взглянем на щенков? Бедные пушистики, наверное, мечтают о минутке покоя.

Щенки оказались именно такими, как описывал Лёша: четырьмя пушистыми рыжими колобками на неестественно коротких лапах, с огромными локаторами-ушками и куцыми, энергично виляющими хвостиками, которые и впрямь приводили в движение всю заднюю половину туловища. Ксения взяла одного на руки — самого мелкого, с белой звёздочкой на лбу, — и он тут же лизнул её в подбородок шершавым, тёплым языком, а потом вздохнул и уснул, свернувшись калачиком в её ладонях.

— Я хочу этого, — немедленно и категорично заявил подбежавший Лёша.

— Ты хочешь всех, — заметил муж, опускаясь на корточки рядом и почесывая самого бойкого щенка за ухом.

— Нет, вот этого. Который спит. Он спит, как я. Значит, мы похожи.

Полина в это время сидела на корточках перед другим щенком и с серьёзным видом вела переговоры:

— Ты будешь мой, и мы будем тебя называть Пышка. Понял? Пыш-ка. Пото-му что ты пу-шис-тый.

— Пышка — не имя для мальчика, — авторитетно заявил Лёша, не отрывая взгляда от своего избранника.

— А он не мальчик, — отрезала Полина.

— Откуда ты знаешь?

— Потому, что она лозовая. — Показывая пальчиком на шнурочек висевший на шее щенка, а у мальчиков синяя. — Я знаю. Я умная.

Ксения вздохнула и посмотрела на мужа в поисках поддержки. Тот, подперев щеку кулаком, стоял у перил, и с умилением наблюдал за детьми. Он пожал плечами с видом полной капитуляции:

— Я в эти споры не лезу. Меньше знаешь — крепче спишь. Решайте сами, дамы.

— Мы возьмём мальчика, — приняла окончательное решение Ксения, глядя спящий рыжий комочек. — Но не сегодня. Через месяц, не раньше. Он должен ещё побыть с мамой, окрепнуть.

— Целый месяц? — Лёша поднял глаза, полные такого вселенского ужаса, будто ему объявили конец света и каникулы одновременно.

— Целый месяц, — твёрдо повторила Ксения. — За это время ты докажешь, что готов взять за него ответственность.

— Я докажу! Вот увидишь!

— Посмотрим, — улыбнулась она, возвращая щенка в корзинку к братьям и сёстре.

Они попили чай ещё раз, уже в саду, под старой яблоней,

усыпанной завязью. Даша завернула остатки пирога с собой, и Ксения пообещала, что в следующий раз придет не с пустыми руками.

— Ты не умеешь готовить, — ласково напомнила Даша.

— Я привезу вино и сыр. Красное, сухое, то самое. Уж в винах-то я разбираюсь, это вам не щенков выбирать!

— Идёт. Тогда жду вас через месяц. Хорошей вам прогулке в парке. Люблю тебя!

***

Парк встретил их запахом жареных каштанов и сладкой ваты — аромат плыл над аллеями, смешиваясь с детским визгом, переливчатым смехом и далёкой музыкой каруселей. Это был старый парк — не тот кислотный, пластиковый, что в реальности, а настоящий, словно выплывший из далёкого детства: с расписными лошадками, чьи гривы поблёскивали позолотой, с цепочной каруселью, что поднимала в самое небо, кружа так плавно, будто облака сами несли тебя ввысь, и с тиром в тени раскидистого клёна.

Лёша потребовал американские горки сразу, как только увидел их из-за деревьев: красные вагоны, петляющие между соснами, манили высотой и скоростью. Полина захотела на лошадок, причём непременно на белую с розовой гривой. Пришлось разделиться, и Ксению это устраивало: ей досталась карусель и дочкина ладошка в своей руке.

— Я с Лёшей, на экстремальный фронт, — сказал муж, беря сына за плечо. — А вы, дамы, на лошадок. Только без

глупостей.

— Ну что ты, какие глупости? — Ксения лукаво улыбнулась.

— Максимум — три круга галопом и один — с закрытыми глазами. Это моя фишка, — передразнила Ксения. И он хмыкнув, поцеловал её в висок.

Ксения уселась на карусель, придерживая Полину, которая счастливо визжала на каждом круге, обнимая лошадку за пластиковую шею. А сама Ксения смотрела в сторону горок и видела, как муж стоит в очереди, держа Лёшу за руку, и что-то ему объясняет, показывая в высокое, чистое небо. Солнце светило ему в спину, и на одно короткое, пронзительное мгновение ее пронзила мысль, что это скоро все закончится. Сердце сжалось, а потом отпустило.

Сейчас, они были рядом, настоящими, живыми, осязаемыми, говорили с ней, смеялись. И она решила просто быть благодарной.

После карусели они купили мороженое в киоске, раскрашенном под пряничный домик. Ксения взяла пломбир в вафельном стаканчике — белый, сливочный, с ледяными кристалликами, которые таяли на языке и отдавали ванилью. Муж взял фисташковое в рожке и кормил её со своей ложки, когда она доела своё. Лёша, разумеется, взял шоколадное и вымазался с ног до головы, превратившись в далматина. Полина выбрала клубничное, съела ровно один розовый шарик, а вафельный стаканчик скормила уткам.

Утки в пруду выглядели очень довольными: пухлые, с гладкими пёрышками, они плавали кругами и поглядывали на людей с дружелюбным любопытством. Бабушка с соседней скамейки кидала им хлеб, а они подплывали, чуть ли не кивая в благодарность, но ели не спеша.

— Не торопятся, — улыбнулся муж.

— Зато теперь точно торопятся, — рассмеялась Ксения, увидев, как утки устремились к месту, куда Полина бросила остатки рожка. — Значит, сегодня у них банкет.

Утки крикали, дети хохотали, а Ксения вдруг поймала себя на мысли — ясной и острой, как бритва, — что она не помнит, когда в последний раз была так счастлива в реальной жизни. Не «когда в последний раз снилось», а просто — была. В реальности такого не случалось вовсе. Ни разу. Эта мысль могла бы её ранить, но сейчас — нет. Не здесь во сне. Тут она просто жила.

Обедали они в маленьком кафе на берегу пруда. Заказали пиццу с тонким, хрустящим тестом и большим количеством сыра, супчик из детского меню для Полины и салат из рукколы с помидорами черри, который Леша обозвал «травой для кроликов» и есть отказался наотрез. Зато пиццы умял три огромных куска и попросил добавки. Муж подливал Ксении ледяной домашний лимонад, от которого у неё на губах оставалась лёгкая кислинка, и рассказывал, как в прошлом году они с Андреем пытались починить забор, но что-то пошло не так, и они в итоге разобрали еще и половину веранды.

— Ты мог бы просто вызвать мастера, как все нормальные люди, — заметила Ксения, облизывая пальцы.

— А какой в этом кайф? — искренне изумился он. — Мастер пришёл бы, всё починил. Скука смертная.

— В том, что забор и веранда остались бы целы.

— Зато теперь у нас есть история, — его глаза смеялись, тёплые, зелёные, с золотыми крапинками.

Ксения посмотрела на него, на рассыпавшиеся по лбу волосы, на морщинки-лучики у глаз, и снова почувствовала то самое тепло, что разливается от груди к кончикам пальцев, и сердце, полное до краёв, которое, кажется, не помещается в грудной клетке. Как тесно ей было с этим счастьем.

***

Домой вернулись к вечеру, когда солнце уже золотило верхушки деревьев и воздух стал гуще, прохладнее. Дети устали до полной капитуляции: Лёша уснул в машине, привалившись головой к сестре, а Полина, которую разбудили при парковке, немедленно закапризничала и потребовала мультики и «ещё один стаканчик мороженого, мам, ну позалуйста».

Ужинали быстро и просто: паста с куриным филе и сливочным соусом, которую Ксения приготовила на скорую руку, прямо в шёлковом халате, пока муж мыл детей в ванной и слушал Лёшину расширенную лекцию о том, почему корги лучше всех собак в мире.

Потом уложили детей спать: Полина потребовала сказку

про щенка, который потерялся, но нашёл дом. Ксения придумывала на ходу, уютно устроившись на краю её кровати, — про корги, которого по настоянию сына называли Гамлетом, и который долго бродил по свету, пока не понял: дом — это не стены, не конура и не место на карте. Дом — это люди, которые тебя ждут, даже когда ты ещё не пришёл.

— Как мы, — сонно пробормотал Лёша, зарываясь носом в подушку. — Ксения нежно поцеловала его в лоб.

Полина уснула ещё быстрее, зажав в кулачке край любимого одеяла. Ксения поправила ей разметавшиеся по подушке волосики, выключила розовый ночник в виде зайца и на цыпочках вышла, притворив за собой дверь с тихим, мягким щелчком.

На кухне горела всего одна свеча — её неровное, живое пламя отбрасывало пляшущие тени на стены и делало комнату таинственной, почти незнакомой.

Муж сидел за столом, перед ним стоял бокал красного вина, а рядом — второй, наполненный на треть и явно предназначенный для неё. Он смотрел на неё сквозь пламя свечи, и тени делали его лицо то моложе, то старше, то совсем мальчишеским, но всегда — бесконечно, ошеломляюще любимым.

— Уснули? — спросил он, и голос его звучал ниже обычного, интимнее.

— Как убитые. Я еле сбежала от Лёши, он даже во сне что-то бормотал про корги.

— Значит, мы свободны до утра.

Ксения села напротив, взяла бокал. Вино было терпким, тяжёлым, с глубоким вишнёвым привкусом и долгим согревающим послевкусием, именно такое, какое она обожала. Они молчали несколько минут, просто глядя друг на друга поверх пламени, и в этом молчании было больше слов, чем в любом диалоге.

— Ты сегодня очень много смеялась, — сказал он наконец, ставя бокал на стол и продолжая смотреть на неё тем самым взглядом: пристальным, изучающим, наполненным. — Я люблю, когда ты смеёшься.

— Ты сегодня много на меня смотрел, — ответила она, чувствуя, как от вина щёки начинают теплеть.

Он усмехнулся краешком губ, дав понять что понял намёк, поднёс бокал к губам, сделал глоток. Потом поставил его и медленно, обстоятельно обошёл стол.

Встал за её спиной, положил горячие, тяжёлые ладони на плечи и начал массировать — мягко, глубоко, большими пальцами разминая тугие узлы, о существовании которых она даже не подозревала.

— У тебя всегда напряжена шея, — сказал он тихо, почти ей в ухо. Голос его вибрировал где-то у затылка, и по телу пробежала тёплая волна. — Я должен делать это чаще.

Он наклонился ниже, поцеловал её в макушку — нежно, едва касаясь губами. Потом в висок. Потом в уголок губ. Ксения закрыла глаза и откинула голову ему на грудь, слыша,

как гулко и ровно бьётся под рубашкой его сердце. Вино тёплой волной бродило в крови, свеча мерцала, отбрасывая на стены их слившиеся тени, и весь мир сузился до этой кухни, до его рук, до его дыхания у её уха.

— Идём, — выдохнул он, и она не спросила куда.

Призрачный лунный свет наполнял спальню, он пробивался сквозь тонкие шторы и ложился на смятую постель серебряными, переливчатыми дорожками.

Ксения стояла к нему спиной, ощущая, как его пальцы медленно скользят вдоль пояса её атласного халата, неспешно развязывая узел. Ткань мягко шелестела, послушно соскальзывая вниз. Его взгляд невольно задержался на ажурном узоре нижнего белья, которое отливало жемчужным цветом на фоне смуглой, чуть мерцающей кожи.

Он задержал дыхание, замороженный этим чувственным зрелищем: лёгкое, почти невесомое кружево едва касалось кожи, создавая иллюзию защиты, но настолько тонкую, что она лишь подчёркивала наготу.

— Можно я сам? — спросил он шёпотом, касаясь губами её затылка.

Он провёл пальцами вдоль края кружева, будто изучая границу между тканью и кожей. Затем мягко завёл их под невесомую ткань, скользнул по изгибу упругих ягодиц — медленно, дразняще. Она затаила дыхание, и чуть качнулась ему навстречу, трусики послушно соскользнули, и с тихим шелестом упали к ногам невесомой лужицей.

Ксения не пряталась, не скрещивала рук на груди. Здесь, в этом теле, она не чувствовала стыда. Она чувствовала себя красивой. Желанной. Настоящей.

Он разделся сам — быстро, без кокетства, потому что слишком хотел прижаться к ней, скорее, немедленно. И когда они остались обнажёнными, стоя лицом к лицу в столбе лунного света, он провёл ладонью от её ключицы вниз, по животу, и она выдохнула — протяжно, с тихим стоном, который копился весь день.

— Ты прекрасна, — сказал он, и в голосе звенела та самая искренность, от которой у неё обычно подкашивались колени.

— Я знаю, — прошептала она, глядя ему в глаза снизу вверх. — Но повтори еще раз. Пожалуйста.

Он повторял — губами, пальцами, ладонями, взглядом. Они опустились на прохладные, пахнущие свежестью простыни, и время перестало для неё существовать. Не было ни завтра, ни вчера, ни того мира, что остался за порогом этого сна. Было только тепло его кожи — смуглой, гладкой, нагретой, и запах — его запах кедровый, древесный, с едва уловимыми нотками лимона.

Его руки скользили по её спине, задерживаясь на изгибе талии, её пальцы зарывались в его волосы, сжимались на плечах, слегка царапали кожу. Поцелуи, то медленные, глубокие, тягучие, с прикусами, то вдруг жадные, почти отчаянные.

Он провёл губами вдоль её шеи, задержался у пульса, чувствуя, как тот бьётся всё чаще под его губами.

— Я тебя люблю, — сказал он, когда она была уже на самой грани, когда дыхание сбилось и мир поплыл. — Ты слышишь? Люблю. Люблю так, что больно.

Она тихо всхлипнула, выгнулась навстречу, прижимаясь к нему всем телом.

— Докажи, — выдохнула она, обхватывая его ногами и притягивая ближе. — Докажи, пожалуйста. Ещё...

Он замер на мгновение, глядя ей в глаза — в них плескалось что-то первобытное, необузданное, полное желания и доверия.

И он доказывал — снова и снова. Его губы спустились ниже, к груди, а руки скользили вдоль тела, запоминая каждый изгиб. Она стонала, путалась пальцами в его волосах, то притягивала ближе, то слегка отталкивала, будто не могла решить, хочет ли замедлить этот вихрь ощущений или наоборот — ускорить его.

— Не останавливайся — прерывисто выдохнула она. — Пожалуйста, не останавливайся.

— Не останавлиюсь, — глухо отозвался он, сжимая её бёдра. — Ты моя. Моя...

Она забыла, как дышать. Всё её тело стало одной сплошной, звенящей искрой, готовой вспыхнуть и осыпаться пеплом. Каждая клеточка дрожала от напряжения, от предвкушения, от этой сладкой, мучительной границы между «ещё»

и «уже».

Её пальцы впились в его плечи, спина выгнулась дугой, дыхание оборвалось на долгие мгновения, а затем пришло рваными, прерывистыми вдохами. В самый пик, в ту секунду, когда всё внутри сжалось в сладкой судороге и мир взорвался ослепительными вспышками, — раздался звонок.

Резкий. Металлический. Ненавистный до зубовного скрежета.

Трель будильника разорвала тишину спальни, как нож — шёлк.

Ксения распахнула глаза. Мир, ещё секунду назад полный тепла и близости, вдруг стал чужим и холодным.

Она лежала не двигаясь, боясь пошевелиться, и чувствовала, как тепло уходит из тела — медленно, неумолимо, словно кровь отливает в ледяные конечности. Как исчезают его руки, его дыхание, его запах. Как растворяется в воздухе лунный свет, оставляя лишь серую взвесь будничного утра. Как пустеет постель, физически, тактильно.

— Нет, — прошептала она и голос сорвался. — Нет... нет, нет...

Но утро уже наступило. Реальное, холодное, равнодушное, со своим неумолимым расписанием, которое не считалось ни с чьими снами.

А он остался там, в субботней ночи, с недопитой лаской, с её именем на губах.

Кролик Шмяк завозился в клетке, загремел кормушкой

требуя завтрак. За стеной зашумела вода в кране: мама включила чайник и завела свою утреннюю пластинку, привычно ворча на всё подряд. «Кран скрипит, как несмазанная телега. Чайник еле греется. Опять чашка на столе...» — доносилось сквозь стену, словно без этих ежедневных причитаний утро не считалось начавшимся.

Ксения зажмурилась до боли, до белых вспышек под веками.

Но этот сон уже ушёл. Исчез, как исчезает вода в сухой песок.

И не вернётся. Никогда.

Она села на кровати и посмотрела на свои руки. Бледные руки из реальной жизни, с тонкими пальцами и коротко остриженными ногтями. Без изящного обручального кольца.

— Ничего, — сказала она себе вслух, сглатывая комок, стоящий в горле, и голос прозвучал глухо. — Ничего. Это не последняя ночь.

Но внутри, под рёбрами, в том месте, где только что жило огромное, переполнявшее её счастье, сейчас была только пустота. И эта пустота, словно голодный зверь, выла и требовала того, что невозможно удержать. Той семейной жизни. Тех детей. Того мужчины с тёплыми руками и драконом на лопатке. Того чувства, что ты на своём месте, что тебя ждут, что ты нужна.

Шмяк снова загремел кормушкой.

— Сейчас, тиран, — прошептала Ксения, спуская ноги на

холодный пол. — Сейчас, уже иду.

3. Обрывки прошлого

Она быстро справилась. Потому что привыкла.

Двадцать лет таких пробуждений — двадцать лет, как её каждое утро вышвыривают из рая в эту комнату с треснутым потолком и обоями, помнящими ещё Советский Союз. Первое время, в раннем детстве, она просыпалась и плакала навзрыд, уткнувшись в подушку, чтобы не услышала мама. Не могла объяснить, ни маме, ни себе самой почему ей так больно. Почему минуту назад она была в замке, летала над облаками вместе с людьми, которых любила больше жизни, а теперь её, словно преступницу, заперли в сером мире, где даже мультики по телевизору идут по расписанию.

Потом она научилась не плакать. Научилась выныривать из сна, как водолаз, поднимающийся с глубины без декомпрессии, — резко, на грани кессонной болезни. Хватать ртом спёртый воздух реальности и идти дальше. В школу, в университет, на работу. Жить.

Она никогда не знала, почему это происходит именно с ней.

В детстве ей казалось, что так у всех. Что все дети по ночам живут другими, тайными жизнями, а днём просто забывают или делают вид, что забыли. Так было проще думать, что ты не одна такая. Но однажды, когда ей было лет девять, отец тогда уже ушёл из семьи, переехал в другой город и зво-

нил только поздравить с днем рождения. Он вдруг набрал её номер ночью. Не маме, а именно ей. Голос был чужим, тревожным, совсем не таким, каким она его помнила.

«Ксюша, — спросил он осторожно, словно ступая по тонкому льду, тебе снятся необычные сны? Ну, очень яркие? Где ты не одна? Где всё как по-настоящему?»

Она испугалась. Не потому, что сны были страшными, нет, они никогда не были страшными, а потому, что отец никогда в жизни не интересовался её снами. И голос у него был такой, будто он спрашивал не просто о личном, а о чём-то запретном. О чём-то, о чём нельзя говорить вслух.

«Нет, — соврала она, прижимая трубку к уху и чувствуя, как колотится сердце. — Обычные. Как у всех».

Он помолчал, и в трубке было слышно, как он тяжело и неровно дышит. «Хорошо, — сказал он наконец. — Если что-то изменится, сразу звони мне. В любое время. Я приеду».

Она не позвонила. Ни разу. А через год, когда мама в очередной раз отчитывала её за «Вечно витаешь в облаках. Сидишь, как сонная муха! Посуда себя не помоеет!» и за то, что она «Не слушается и огрызается на мать!», Ксения не выдержала. Взорвалась. Выложила всё разом — про сны, про другие миры, про то, что она там не одна, а с людьми, которые ей дороже всех на свете. Про то, что во сне ей лучше, чем здесь, в этой душной квартире, и однажды она уснёт и никогда не проснётся.

Мама побелела так, что Ксения испугалась за её сердце.

Через неделю, Ксению положили в больницу. Какую-то детскую, с белыми до тошноты стенами и тётей в белом халате, которая задавала странные, скользкие вопросы и записывала ответы в толстую тетрадь.

«— Ты слышишь голоса в голове? — спрашивала тётя, глядя на Ксению поверх очков.— Нет, — пожала плечами Ксения. — Только ваши и медсестёр. А что, надо какие-то другие слышать?

— Тебе кажется, что кто-то управляет твоими мыслями? Что кто-то хочет тебе навредить?

— Управляет мыслями? — Ксения нахмурилась, пытаясь понять. — Как в фильмах про роботов? Нет, никто не управляет. Я сама решаю, что делать.

— Ты хочешь причинить себе вред? Ты думаешь о смерти?

— Фу, нет! — девочка невольно передёрнула плечами. — Зачем вы такое спрашиваете? Я просто хочу домой, к маме. Хочу смотреть мультики.

— Почему ты тогда не разговариваешь и не играешь с ребятами?— Потому что — Ксения на мгновение замялась, потом тихо добавила: — Потому что мне было грустно. И всё казалось каким-то неправильным.

— Понятно, — тётя что-то записывала в тетрадь и чуть смягчив тон продолжала. — А с кем ты обычно делишься грустью? С мамой? С подружками?

— Ни с кем, у меня нет здесь друзей— Ксения опустила глаза.

— А где есть? — Не унималась тетя.

— Во сне. — Произнесла Ксюша совсем шёпотом».

Ответы записывались, подшивались, анализировались.

Она плохо помнит то время. Как будто-то всё это было не с ней. Словно кто-то взял и вырезал кусок плёнки из фильма её жизни тупыми ножницами, оставив только обрывки: запах лекарств, горький и тошнотворно-сладкий одновременно. Капельница с прозрачной жидкостью, булькающей в такт секундной стрелке. Мамины красные, воспалённые глаза, которая плакала каждый раз, когда приходила, и от этого Ксении было ещё хуже, чем от капельницы.

В какойто момент, с внезапной ясностью, какой бывает только на краю отчаяния, она осознала: нужно замолчать. Навсегда. Ксения быстро научилась говорить то, что от неё ждали. Это оказалось до боли просто. Ведь она всю жизнь угадывала чужие ожидания. В этом был её дар и её проклятие.

«— Я всё выдумала, — твёрдо сказала Ксения врачу, глядя ей в глаза на очередном обходе. — Просто я мечтала стать писателем, я решила ну, сочинить про сны. Думала, если придумаю про другие миры, со мной будут дружить. А так — мне снятся мультики, школа, иногда соседский кот. Обычные сны. Я здорова, и мне правда лучше».

Её выписали. Мама больше никогда не спрашивала про

сны — ни единого раза. И Ксения больше никогда ни кому про них не рассказывала.

Она научилась справляться с утренней пустотой, потому что иначе — снова белые стены, снова капельница, снова мамины заплаканные глаза. Потому что сны — это единственное, что у неё есть. Единственная отдушина, единственная настоящая жизнь. И она никому не позволит их отнять. Ни врачам, ни маме, ни даже самой себе.

***

Сегодня пятница. Сегодня по расписанию нужно мыть голову.

Ритуалы. Они держали её жизнь, как обручи держат раскохнувшуюся бочку. Без них она рассыпалась бы в ту же секунду, как открывала глаза. Четверг — значит хвостик. Пятница — мытьё головы. Суббота — отдых и кино. Воскресенье — уборка, смена постельного белья и разбор скопившихся за неделю рабочих записок.

Она встала, налила Шмяку свежей воды в поилку и насыпала корма с горкой. Тиран сегодня был особенно громогласен. Он грозно фыркал и, кажется, готовил очередной переворот. Закончив с утренними хлопотами, она ушла в душ. Горячая, почти обжигающая вода стекала по спине, по плечам, по бёдрам, смывая остатки ночной субботы. Его пальцы. Его губы. Его шёпот у самого уха: «Ты прекрасна. Я люблю тебя. Ты моя». Под теплой струёй она закрыла глаза и позволила себе всего три секунды, чтобы вспомнить каждое

его прикосновение.

Потом резко очнулась.

— Хватит, — сказала она вслух, глядя на своё расплывчатое в запотевшем зеркале отражение. — Его больше нет и никогда не будет. Сегодня будет новая ночь. Справишься.

Она вытерлась жёстким полотенцем, тщательно просушила волосы, слегка прихватив их заколкой у виска чтоб они не лезли в лицо и не раздражали кожу. Надела чистые джинсы и очередной чёрный мешковатый свитер, спасительный в своей бесформенности.

Мама уже гремела на кухне. Она взбивала яйца так яростно, словно пыталась пробудить бурю в стакане — и заодно всех соседей.

— Ты сегодня рано, — заметила она, подозрительно прищурившись, словно ранний подъём дочери был симптомом опасной болезни.

— Я не рано, я по расписанию, — спокойно поправила Ксения, и с достоинством плюхнулась на табурет.

— Ты завтракать будешь? Или опять доширак на работе? — мама поджала губы и упёрла руки в бока.

— Мам, это не доширак, это экспресс-рацион современного человека. Просто экономия времени.

— Это называется «жрёшь химию» — и губишь свой желудок.

— Ладно, я позавтракаю. Пахнет очень вкусно! — Ксения глубоко вдохнула аппетитный аромат и вдруг осознала, что

очень голодна.

— У меня первое занятие в девять, — сообщила мама, ловко раскладывая по тарелкам пышный омлет с помидорами. — Дети сегодня цветы сажают в горшочки. Надо зайти еще купить перчатки и пакетики с семенами не забыть. — Она говорила это почти машинально, будто сама с собой, по привычке проговаривая вслух свои мысли.

Ксения взяла вилку, аккуратно поддела кусочек омлета, подхватила ломтик помидора и с искренним удовольствием отправила в рот. Вкусно. По-домашнему, тепло, правильно.

— Спасибо, мам, — сказала она коротко, но искренне, не отрываясь от еды.

— Ешь, ешь, — мама села напротив, подпёрла подбородок кулаком и с умилением наблюдала, как дочь с аппетитом справляется с завтраком.

Ксения взяла свою любимую потертую кружку и налила чай. Она могла бы давно заменить её на новую, более гладкую, блестящую. Но не стала: эта, с царапинами и едва заметной трещиной у ручки, словно отражала её саму — такую же неприметную, потёртую жизнью, будто бы никому не нужную. Она сделала глоток. Чай был слишком горячим и обжёг язык до онемения. Но разве могла эта мимолётная, бытовая боль сравниться с той, что жила внутри неё, тяжёлой и глухой, годами копившейся в глубине души? Ксения даже не поморщилась. Она привыкла к боли, даже к такой мелкой. Она была частью её реальности — неотделимой, привычной,

как дыхание.

Через десять минут Ксения уже бежала на работу, представляя по дороге, как мама сейчас торопливо бежит в свой дом культуры. Как Виктор уже ждёт ее у входа — с дежурным «доброе утро» и привычно улыбаясь открывает перед ней дверь. Ксения усмехнулась своим мыслям. Ей вдруг стало приятно осознавать, что мама тоже живой человек: умеет спешить, улыбаться, принимать цветы, а не только ходить в войлочных тапках, вооружённая вечными упрёками.

***

Офис встретил её привычным гулом компьютеров, запахом дешёвого растворимого кофе и Ленкиным голосом, который даже в девять утра звучал так, будто она уже провела три совещания и готова к четвёртому.

Сергей из соседней кабинки перегнулся через перегородку с грацией бегемота, заглядывающего в чужой загон в зоопарке.

— О, так ты не в отпуске? — он изобразил крайнее удивление. — Я просто решил, что ты телепортировалась в зону комфорта. Или тебя похитили конкуренты, чтобы вывести секрет нашего квартального отчёта.

— Серёжа, — Ксения, не отрываясь от экрана, щёлкнула мышью с убийственной точностью, — если бы меня похитили конкуренты, я бы первым делом заставила их подписать контракт на пожизненное обслуживание нашей кофемашины. С обязательным обучением искусству наливать без

брызг.

— Ты беспощадна.

Ксения наконец подняла глаза, но взгляд её оставался ледяным. — Я практична. Беспощадность — это просто эффективный менеджмент эмоций.

Ленка-менеджер уже строчила какой-то отчёт, вполголо-са повторяя каждое слово. Ксения на мгновение представила, как она говорила бы все эти слова в постеле, обращаясь к мужу. «Милый, предлагаю оптимизировать наши усилия: перераспределим ресурсы, сфокусируемся на ключевых точках и обеспечим кроссфункциональное взаимодействие. И не забудь про отчёт по удовлетворённости !» — И её передёрнуло от омерзения.

Спустя десять минут в поле зрения появился Коля. Юный стажёр, воплощение неистребимого оптимизма, сиял, как новенькая монета. Он принёс две чашки кофе и одну поставил перед Ксенией, сопроводив жест своей неизменной, лучезарной улыбкой, от которой у неё обычно начинало сводить скулы.

— Ксень, привет! Ты сегодня особенно...

— Коля, — перебила она, не давая ему закончить, — если сейчас прозвучит слово «красивая», я научу твоего чат-бота отвечать клиентам: «Иди в жопу». Подумай о будущем своей карьеры.

— Выспавшаяся, — закончил он невозмутимо, и в его глазах заплясали бесенята.

Ксения на секунду замерла. Выспавшаяся? Она, после сегодняшнего сна, после субботы в параллельном мире, после пробуждения, от которого до сих пор саднило под рёбрами? Ирония судьбы, не иначе. Спала ли она когда-нибудь вообще? Вселенский сарказм.

— Спасибо за кофе, Коля. Ты сегодня особенно... настойчивый. Но предупреждаю: это для тебя может плохо закончиться.

— Я люблю риск, — он пожал плечами и удалился в свою кабинку, насвистывая что-то бодрое.

Ксения покачала головой, открыла техзадание и погрузилась в работу.

Сегодня нужно было писать сценарий для бота-регистрации в поликлинике. Техзадание гласило: «Вежливо, информативно, без паники. Пациент не должен чувствовать себя забытым или проигнорированным. Ответы должны создавать ощущение поддержки и чёткой навигации».

«Без паники, — хмыкнула она про себя. — Да я сама, как ходячий антидепрессант, без слез не взглянешь».

День пролетел на удивление быстро. Диалоги писались сами, будто кто-то надиктовывал их ей на ухо: ровные, гладкие, с той идеальной долей равнодушной вежливости, которую так любят заказчики. Сергей отстал со своими подколами, увязнув в горящем дедлайне. Ленка ушла на совещание и не возвращалась до самого вечера — видимо, «синхронизировалась» где-то в недрах конференц-зала. Даже Коля дер-

жался в рамках приличий: подкатывал, конечно, с методичностью метронома, но это была уже сто первая попытка, и Ксения отбила её стандартной фразой, заученной до автоматизма:

— Коля, я старше тебя почти на пять лет, умнее на восемьдесят пунктов IQ и циничнее на всю твою оставшуюся жизнь. Иди работай и не трать моё время.

Коля не обижался. Он вообще не умел обижаться — это была его суперсила. Или болезнь. Ксения пока не определилась.

***

В 16:00 в их рабочее пространство всплыла Ленка. Именно всплыла — с прямой, как шомпол, спиной, с планшетом наперевес и с выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего. Таким лицом обычно объявляют о внеплановых проверках или сокращении штата.

— Внимание, команда! — её голос, острый и пронзительный, разрезал офисный гул, как скальпель. — Шеф велел передать: сегодня после работы проводится обязательный тимбилдинг в «Кафе-Лаунж». Сбор у центрального входа ровно в 18:15. Присутствие строго обязательно для всех сотрудников.

По офису прокатился единодушный стон — тот особый, многоголосый стон, который объединяет людей лучше любого тимбилдинга.

— Лена, у меня планы, — начал Сергей, приподнимаясь

из-за монитора с лицом смертельно раненного зверя.

— У всех планы, — отрезала Ленка тоном, не терпящим возражений. — Это не просьба, коллеги, это указание руководства. Шеф сказал дословно: «Я хочу видеть свою команду в непринуждённой, неформальной обстановке. Проникнуться корпоративным духом».

— Он что, будет лично присутствовать? — спросил кто-то из дальнего угла с плохо скрываемым ужасом.

— Нет, он срочно улетел в командировку в Новосибирск. Но духом он с нами, — Ленка прижала планшет к груди, и на её лице отразилась такая искренняя вера в сказанное, что Ксении стало почти тошно. — Я буду вести трансляцию. И он попросил меня лично всё проконтролировать.

Ксения закрыла глаза. Духом. С нами. С контролем Ленки. Ей захотелось провалиться сквозь землю, прямо сквозь пол, пролететь первый этаж, прошить фундамент и оказаться где-нибудь в Австралии. Но она все еще была здесь.

— Лена, я не могу. У меня сегодня подскочило давление, голова реально болит, — сказала Ксения вслух, поднимая руку, как примерная ученица. — И вообще у меня кролик, его же кормить надо.

— Кролик подождёт, — отмахнулась Ленка. — А это тебе от головы. — и тут же протянула таблетку ибупрофена, достав её из своей бездонной сумки.

— Ксения, я тоже люблю животных, — Ленка посмотрела на неё долгим, немигающим взглядом, — но правила есть

правила. Шеф велел передать отдельно: «Даже Ксения!». Я цитирую дословно.

Офис захихикал. Ксения вздохнула так тяжело, что её как-тус, кажется, покачнулся.

— Ладно, — сдалась Ксения, поднимая белый флаг. — Я приду. Но ровно на час. Ровно. Поставлю таймер.

— Вот и славненько! — Ленка захлопала в ладоши, и этот звук прозвучал для Ксении как щелчок наручников. — Тимбилдинг — это весело! Это сплачивает! Это командный дух!

— Это слово означает «пытка», — пробормотала Ксения себе под нос, но её, разумеется, никто не услышал.

Она достала телефон и набрала маму. «Задержусь сегодня, не жди ужинать. Тимбилдинг, чтоб его». Мама ответила коротко, почти рассеянно: «А у меня сегодня вечером тоже планы», — и Ксения почему-то не стала уточнять, какие именно.

***

В 18:15 вся «команда мечты» в полном составе — понурая, как стадо перед забоем, ввалилась в кафе. Название, как быстро выяснилось, было наглой, ничем не прикрытой ложью. В кафе было тесно, как в маршрутке в час пик, душно до состояния лёгкой гипоксии, и пахло там пережаренным фритюром вперемешку с дешёвым освежителем воздуха «морской бриз», который явно не имел никакого отношения ни к морю, ни к бризу.

Ленка, в амплуа главнокомандующего, уже всех рассадил-

ла согласно какому-то своему хитроумному плану: мужчины с одной стороны длинного стола, женщины с другой, чтобы, как она выразилась, «способствовать кросс-функциональной коммуникации». Ксения оказалась зажатой между бухгалтершей Зинаидой Петровной, которая немедленно начала жаловаться на духоту, и самой Ленкой, от которой за версту несло энтузиазмом. Лучшая компания для принудительного веселья.

— Ну что, коллеги! — Ленка подняла бокал с яблочным соком — Давайте выпьем за нашу дружную, сплочённую команду! За синергию! За проактивный подход! За то, чтобы планы выполнялись, а дедлайны не горели!

— За проактивность, — нестройным эхом отозвались несколько человек.

Официальный час тянулся с изуверской медлительностью, словно лекция по истории древнерусской литературы в зимнюю сессию, когда за окном темно, в аудитории холодно, а преподаватель монотонно бубнит про берестяные грамоты. Ленка вещала о «комьюнити», о «совместных целях», о «командном духе» и о том, как важно «поддерживать друг друга в трудные времена». Ксения ритмично кивала, но мысленно перебирала строки из «Слово о полку Игореве» — на всякий случай, чтобы просто не уснуть лицом в тарелку.

Наконец, когда стрелка часов перевалила за 19:15, Ленка торжественно объявила:

— Официальная часть окончена! — она выключила каме-

ру. — Всем спасибо! А теперь — свободное общение! Узнавайте друг друга лучше!

Офис выдохнул с таким единодушным облегчением, что в окнах кафе, кажется, зазвенели стёкла. Мужчины тут же сбились в стайку и начали о чём-то шептаться, подозрительно оглядываясь на Ленку. Ксения еще раньше заметила, как Сергей периодически куда-то исчезал на пару минут, а возвращался с заметно более весёлыми, блестящими глазами. И не он один, Коля и ещё кто-то из младших менеджеров периодически находили повод выскользнуть на минутку — очевидно, пополнить запасы хорошего настроения.

— Они что, бегают в туалет по очереди, как школьники? — спросила Ксения у Зинаиды Петровны, провожая Колю взглядом.

— А ты не знала? — та понизила голос до заговорщицкого шёпота. — Серёга притащил с собой фляжку с виски. И всех угощает, кто попросит. Ты только Ленке не говори, это их корпоративный секрет.

Ксения усмехнулась. Серёга — опытный и бывалый. На трезвую голову эту Ленкину «синергию» и впрямь не выдержишь — нужен допинг. В моём случае — анестезия.

Ксения принципиально не прикасалась к алкоголю на корпоративах, и вовсе не потому, что была трезвенницей. Просто не хотела терять контроль. Ей и так было тошно от этой фальшивой бодрости, а под хмельком могло стать совсем невыносимо — ещё, чего доброго, начала бы говорить вслух

то, что думает.

Она попыталась уйти незаметно, по-английски. Встала, пробормотала «я в туалет» и направилась к выходу, маневрируя между столиками. Но у самой двери в коридоре, её перехватил Коля. Раскрасневшийся, с влажными глазами и улыбкой до ушей.

— Ксень, ты куда?

— В туалет, Коля. Отстань от меня, пожалуйста.

— Туалет в другой стороне, — он расплылся в улыбке, и Ксения поняла, что алкоголь в его крови уже не просто присутствует, а ведёт активную деятельность. — Я тебя провожу, если хочешь.

— Ладно, — она развернулась. — Я на улицу подышать, тут резко стало душно. Так устраивает?

Он сделал шаг вперёд, и его рука легко оперлась о стену рядом с её плечом, ненавязчиво преграждая путь.

— Не надо. Ты пытаешься сбежать. Стыдно, Ксень, стыдно. Я тебя не пущу, а как же «узнавайте друг друга лучше». — Скопировал он Ленкин голос.

— Коля, отойди. Это не смешно.

— Только в обмен на один маленький поцелуй, — он сделал шаг вперёд, и его лицо оказалось опасно близко.

Ксения замерла. Она смотрела на него — высокого, симпатичного, с ясными голубыми глазами и щенячьей настойчивостью, которая в другое время могла бы показаться даже милой. От него пахло виски и какой-то приторной фрукто-

вой жвачкой, и этот запах мешался с жаром его тела.

— Боже, когда ты успел так накидаться? — спросила она, качая головой.

— Надо же было где-то черпать вдохновение, чтоб это все выдержать? — он усмехнулся. — Серёга умный парень, я тебе скажу... — Жалко, ты алкоголь не воспринимаешь, а то бы тоже подняла себе настроение. — Он подмигнул и понизил голос. — Но ближе к делу. Как насчёт одного поцелуя? Чисто в медицинских целях.

— Ты же понимаешь, что это абсолютно ничего не значит? — сказала Ксения, глядя ему прямо в глаза. — Пустой жест и ничего более.

— Понимаю. Но мне принципиально. Я тебя полгода добиваюсь, должна же быть какая-то награда.

Он был выше на целую голову, и Ксения вдруг почувствовала себя нет, не в ловушке. Скорее в неловком, глупом положении. Где-то в глубине души ей даже польстило — быть труднодоступной добычей для симпатичного, настырного стажёра. Ещё никто за ней так не бегал. В реальности — никто.

— Хорошо, — произнесла Ксения с неожиданной для себя лёгкостью. — Давай. Но только на моих условиях: быстро и в щёку.

— Ну уж нет, — возразил Коля с лукавой улыбкой. — Поцелуй будет таким, каким я задумал. Я его честно заслужил.

— Прошу тебя, Коля, — тихо сказала она, опуская ресни-

цы. — Быстрее. И чтобы никто не увидел.

Коля не торопился, растягивая момент, как кот над мышью. Его горячее, пахнущее алкоголем дыхание коснулось её щеки. Пальцы — осторожные, но уверенные легли на подбородок, чуть запрокидывая её голову. И в ту самую секунду, когда его губы коснулись её губ — мягко, настойчиво, с голодной жадностью, — перед внутренним взором Ксении вспыхнуло другое лицо.

Зелёные глаза в золотую крапинку. Того мужчины. Из сна. Его руки, до боли знакомые. Его поцелуи — глубокие, неспешные, наполненные смыслом. Его шёпот в темноте спальни: «Ты прекрасна».

Тело предательски откликнулось на воспоминание: жар прокатился по венам, скапливаясь где-то внизу живота, заставляя колени едва заметно подрагивать. Дыхание сбилось, стало прерывистым, а кончики пальцев покалывало от желания — не оттолкнуть Колю, нет, а протянуть руку туда, в иллюзию, коснуться его груди, ощутить под ладонью биение чужого сердца.

На миг — на одно короткое, постыдное мгновение — её собственные губы приоткрылись навстречу, и по спине пробежала дрожь ожидания: не от Коли, нет. От того, другого. От того, кто остался там, в субботней постели, с недопитой лаской. Ксения почувствовала, как внутри неё нарастает противоречивое чувство: стыд за эти мысли здесь и сейчас — и одновременно острое, почти болезненное желание про-

длитель миг иллюзии, раствориться в нём, пусть даже в воображении.

Нет. Она резко открыла глаза, словно от удара током.

Дурман развеялся. Коля смотрел на неё с явным, нескрываемым удовольствием, и в его голубых, подёрнутых алкогольной дымкой глазах читалось: «Я победил. Я всё-таки её добился». И он явно хотел продолжения, его рука уже скользнула ей на талию.

— Стоп, — Ксения отстранилась, упёршись ладонью ему в грудь. — Достаточно. Я просила быстро. Ты не уложился в регламент.

— Вау, — раздался за спиной голос Сергея. — Что это тут у нас происходит, люди добрые?

Ксения обернулась. Сергей стоял, прислонившись плечом к косяку, и на его лице расползалась довольная, понимающая улыбка старого греховодника.

— Ну, Колян, мои поздравления. Растопил всё-таки снежную королеву. Я уж думал, это мифический квест, который никому не по зубам.

— Я не... — начала Ксения.

— Да ладно тебе, — перебил Коля, уже переключившийся на Сергея и явно довольный произведённым эффектом. — Это просто поцелуй. Не душни, Серёг.

Ксения воспользовалась моментом. Пока мужчины обменивались шуточками, и проскользнула к выходу, толкнув тяжёлую дверь она вывалилась на улицу.

Холодный, сырой вечерний воздух ударил в лицо, и она вдохнула его полной грудью — глубоко, жадно, словно только что вынырнула из-под воды.

— Чёрт, — прошептала она, прижимая ледяные пальцы к горящим щекам. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Не из-за поцелуя. Поцелуй был ерундой, пустяком, минутной слабостью. Из-за того, что на секунду, на одно короткое непозволительное мгновение, она приняла Колины губы — за его губы. Из-за того, что внутри что-то пробудилось, встрепенулось, ожило. То, что она старательно держала в клетке, как Шмяка. Тоска. Желание. Память тела. Она быстрым шагом направилась к остановке, почти бегом, словно пыталась убежать от самой себя.

Вспомнив, что обещала Шмяку вкусняшку, забежала в зоомагазин за углом, где купила зерновые палочки и крошечную плюшевую игрушку ему на растерзание. Продавщица посмотрела на неё с сочувствием — наверное, вид у Ксении был ещё тот.

Домой она шла почти бегом, пытаясь не думать. Не думать о том, как её тело откликнулось на чужой поцелуй. Не думать о том, что она чуть не ответила. Не думать о зелёных глазах, которые преследовали её, как наваждение.

— Проанализирую позже, — сказала она себе, перепрыгивая через лужу. — Сейчас я голодна, зла и невменяема. Сначала еда, потом экзистенциальный кризис.

***

Дома было тихо. Странно, неестественно тихо — так тихо, что Ксения с порога почувствовала неладное. Ни сериала, ни грохота посуды, ни маминого бормотания. Тишина стояла такая густая, что в ней, казалось, можно было увязнуть, как в киселе.

Ксения скинула обувь, не развязывая шнурков, и прошла в гостиную. Мама сидела на диване перед выключенным телевизором, в чёрном зеркале экрана отражалась только её напряжённая фигура. Она смотрела в пустоту, и лицо её было таким, словно она только что узнала что-то страшное и теперь не знает, как с этим жить. Она даже не услышала, как вошла дочь.

— Мам, — окликнула Ксения, и её голос прозвучал в тишине как-то слишком громко, почти неуместно. — Ты в порядке? Что случилось?

Мама очнулась, будто от глубокого забытья, и посмотрела на Ксению невидящим взглядом.

— Ой, ты уже дома Я и не заметила. Нет-нет, всё нормально. Всё хорошо.

Она встала, подошла, взяла Ксению за руки. Ксения поразилась тому, какие у неё холодные, ледяные пальцы. Словно она держала их в морозилке.

— Ксюша, я не знаю, как тебе это сказать Я весь день думала, подбирала слова. Но так и не подобрала.

— Мама, ты меня пугаешь. — Ксения почувствовала, как внутри всё сжимается в тугой, холодный комок. — Что-то с

отцом?

— Почему ты об этом подумала? — мама удивлённо вскинула брови, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на испуг.

— Не знаю. Первая мысль, которая пришла в голову.

— Нет, с папой всё в порядке. По крайней мере, со здоровьем. Он жив и относительно здоров. Но он действительно звонил. Сегодня.

Ксения выдохнула — сама не зная, от чего именно.

— Хорошо. Это может подождать минут десять? Я жутко голодна и плохо соображаю. У меня сегодня не самое лучшее окончание рабочей недели. Корпоративный тимбилдинг по ощущениям оказался сродни допросу с пристрастием.

Мама немедленно засуетилась, обрадовавшись возможности отвлечься, занять чем-то руки и оттянуть разговор.

— Конечно, конечно! Беги мой руки, я быстро накрою на стол. Я как чувствовала, котлет нажарила впрок.

Ксения ушла в ванную, встала перед зеркалом и умылась ледяной водой. Смыла с лица остатки Колиной энергетики, его запах, его дыхание. Всё. Провела пальцами по губам и на мгновение задержалась. Не могла отрицать: это было приятно. Не сам поцелуй как таковой, а сама мысль, что такое вообще возможно и в этой реальности. Что она ещё живая. Что её можно хотеть, добиваться, целовать у стены в тёмном коридоре кафе.

Что-то пробудилось внутри неё сегодня. То, что она старательно хоронила годами, закапывая всё глубже с каждым

утром. Что-то тёплое, колючее, неудобное. Желание.

Если бы это был он, тот, из сна смогла бы она остановить-ся?

Она тряхнула головой так сильно, что мокрые пряди хлестнули по щекам, вытерла лицо шершавым полотенцем и вышла.

На кухне её ждал почти праздничный стол, мама явно готовилась задобрить дочь перед тяжёлым разговором. Картофельное пюре с жёлтым глазком растопленного масла, румяные котлеты, солёные хрустящие огурчики, помидоры дольками, сырная нарезка. И что было совсем неожиданно, мама достала из буфета бутылку белого полусухого и две хрустальные винные рюмки на тонких ножках.

— У нас будут гости? — спросила Ксения с явным разочарованием, оглядывая это великолепие.

— Нет, — мама покачала головой. — Давай просто посидим вдвоём. Как раньше. Ты садись, кушай, не стесняйся.

Это было что-то новое. Ксения села и набросилась на еду с жадностью изголодавшегося зверя. Пюре таяло во рту, сливочное и воздушное. Котлета была сочной, с золотистой корочкой. Огурчик аппетитно хрустел, разбрызгивая рассол. Шмяк, прискакавший на запах, крутился под столом, выпрашивая вкусняшку. Ксения выдала ему зерновую палочку, и кролик, торжествуя, утащил добычу в угол.

Мама наполнила рюмки до краев. Похоже, от алкоголя сегодня не отвертеться. Ксения машинально взяла свою рюмку

и не раздумывая осушила почти до дна. Сказалось нервное напряжение оставшееся после кафе.

— Ты бы чокнулась для приличия, — сказала мама с привычной укоризной, но как-то мягко, без обычного яда.

— А, ну да, точно, — Ксения спохватилась протянув бокал. — Прости. Нервы. — Они чокнулись, и хрусталь издал тонкий, тягучий звон.

Мама осушила свою рюмку до дна, поморщилась и закусила сыром.

— Давай ещё по одной, — предложила она, и подхватив бутылку наполнила бокалы. — Для храбрости.

Ксения заметила, как мама нервно мяла в пальцах салфетку.

— Мам, говори уже прямо. Я не маленькая, я переживу. Что сказал отец? — пригубив вино, настойчиво произнесла Ксения.

Мама глубоко вздохнула, словно перед прыжком в ледяную воду.

— Ксюша, твоя бабушка. Мать твоего отца. Она умирает. Но дело не в этом...

Ксения отставила вилку. В голове на мгновение стало пусто и звонко.

— Что? Не понимаю тогда, а в чём???

— Ты, наверное, её совсем не помнишь. Вы виделись всего несколько раз, когда ты была совсем крохой. Она... Она в очень плохом состоянии. Врачи дают ей от силы несколь-

ко дней, может быть, неделю. И отец просит... Нет, умоляет, чтобы ты приехала к ним завтра, в Питер. Говорит, это её последнее желание. Она хочет увидеть тебя перед смертью...

Ксения откинулась на спинку стула. Последнее желание. Она пыталась вызвать в памяти образ бабушки, но там было пусто, только смутные, неясные тени, словно выцветшие фотографии, которые пролежали на солнце слишком долго. Ни лица, ни голоса, ни запаха.

— Ты можешь не отвечать прямо сейчас, — торопливо добавила мама, видя её замешательство. — До Питера всего два часа с небольшим. Хочешь, я поеду с тобой? Мы вернёмся одним днём, даже ночевать там не придётся.

— Он не сказал, что именно ей от меня нужно? — спросила Ксения медленно, всё ещё переваривая услышанное. — Зачем я ей? Мы ведь даже не общались никогда.

— Нет. Сказал только, что это её личная просьба и что она настаивает. Он был очень взволнован. — Мама замаялась. — Если честно, я за все двадцать лет после развода ни разу не слышала его таким. Он почти плакал.

Ксения молчала, крутя в пальцах тонкую ножку рюмки и глядя на игру света в вине. Мысли скакали, как бешеные белки.

— Если честно, — продолжила мама, видя, что дочь молчит, — она всегда была странной женщиной. Его мать. Властной, замкнутой, себе на уме. Я её толком и не знала. Когда мы с твоим отцом поженились, она была категориче-

ски против. Мы почти сразу уехали в другой город. В гости не ездили, на праздники нас не звали.

Но она всегда, каждый год, присылала тебе подарки на день рождения. Дорогие, щедрые, с красивыми открытками. И после развода тоже, представь себе, продолжала присылать.

— Я ничего этого не помню, — тихо сказала Ксения. — Совсем ничего.

— Ты была слишком маленькой. А ещё — мама замялась, теребя край скатерти. — Был один странный случай. Она приезжала к нам один раз, за пару месяцев до того, как мы с отцом окончательно решили развестись. Тебе тогда было лет восемь, ты лежала с температурой. Ну... Помнишь? У тебя резался коренной зуб? Хотя нет, ты наверняка не помнишь.

Ксения отрицательно покачала головой.

— Она приехала без предупреждения, просто постучала в дверь среди ночи. Ты спала. Я дала тебе жаропонижающее. Она попросила разрешения посидеть с тобой. Сказала: «Оставь нас вдвоём, не мешай». Я была не против, у меня тогда голова раскалывалась от недосыпа, да и спорить с ней было бесполезно.

— И что? — Ксения подалась вперёд, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Она просидела с тобой меньше получаса. Я заглянула в комнату, ты просто спала, хотя я была уверена что слышала твой голос, а она стояла над твоей кроватью и что-то шепта-

ла. Что именно, я конечно не разобрала. А потом она просто ушла, даже не попрощавшись толком. Но перед уходом попросила меня никогда не снимать с тебя серебряную иконку, которую она тебе тогда подарила. Сказала: «Не снимай, что бы ни случилось. Это оберег».

Ксения машинально нащупала под свитером тонкую серебряную цепочку. Иконка была на месте — маленькая, с потускневшим ликом святого. Она носила её столько, сколько себя помнила, и всегда была уверена, что это мамин подарок.

— Странно, — прошептала она, вытаскивая иконку из-под свитера и разглядывая её так, будто видела впервые. — Я всю жизнь думала, что это ты мне подарила. Почему я не помню того дня? Восемь лет — это ведь не грудной возраст, я должна была запомнить.

— Ну, у тебя была высокая температура, почти тридцать девять, — мама пожала плечами, но в голосе её не было уверенности. — Хотя да, было ещё кое-что странное. Ты проспала тогда почти сутки. Когда я всё-таки решилась тебя разбудить, то ты была абсолютно здорова. Ни температуры, ни слабости, как будто-то и не болела вовсе. зуб тебя больше не беспокоил, и ты сияла как солнышко. Ты вообще в детстве быстро поправлялась, но не настолько же.

Ксения замолчала, глядя на иконку. В голове, где-то на самой границе сознания, зашевелилось что-то тёмное, непонятное, словно память пыталась пробиться сквозь толстый

слоем ваты, но не могла.

— Пообещай, что хотя бы подумаешь насчёт поездки, — мама долила ещё вина и протянула ей рюмку. — Не отказывайся сразу. Это всё-таки твоя кровь. И, может быть, она хочет сказать тебе что-то важное. Что-то, о чём нельзя по телефону.

Ксения чокнулась с мамой. Хрусталь снова запел тонко, протяжно. Звук повис в воздухе, как серебряная нить между прошлым и будущим.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я подумаю. Обещаю.

Они выпили. Ксения отодвинула тарелку, есть совершенно расхотелось. Внутри росло странное, тревожное чувство, похожее на то, что бывает перед грозой, когда небо ещё чистое, но воздух уже звенит от напряжения.

— Мам, — сказала она, чувствуя, как вино развязывает язык, — раз уж у нас вечер откровений можно спросить?

— Спрашивай.

— Почему ты тормозишь с Виктором? Я же вижу. И не только я, весь двор уже судачит. Если ты думаешь, что я буду против или осужу, то зря. Я наоборот только за. Я даже рада за тебя.

Мама открыла рот от изумления. Она хоть и привыкла к дочерней прямолинейности, но не ожидала, что Ксения знает и сама начнёт разговор о её личной жизни.

— С Виктором? — переспросила она с интонацией, кото-

рая должна была изображать непонимание, но вышло фальшиво. — О чём ты?

— Мам, ну хватит уже, — Ксения мягко улыбнулась. — Мне тётя Вера вчера всё рассказала, во всех подробностях: и про цветы, и про то, как он тебе пальто подаёт, и как в кино звал. Видно же, что он тебе небезразличен. Вон, с телефоном не расстаёшься, улыбаешься, когда никто не видит. Я за тебя рада, честно.

Мама покраснела — густо, по-девичьи. Ксения и не помнила, чтобы мама вообще умела краснеть.

— Может, хватит уже играть в шпионов? — продолжила Ксения. — Пригласи его в гости. Я обещаю вести себя прилично и держать язык за зубами.

Мама вдруг отставила рюмку, пододвинула свой табурет вплотную к Ксении и крепко, порывисто обняла её. От неё пахло вином и сладковатым восточным ароматом, теми самыми духами, которые она доставала лишь по праздникам, и которые всегда напоминали Ксении детство.

— Знаешь, — сказала она тихо, всё ещё прижимая дочь к себе, — я сама не ожидала, что у нас может что-то получиться. Мне казалось, что в моём возрасте, после стольких лет одиночества, уже всё — поезд ушёл, конечная станция, выходите из вагона. Но он настойчивый... Спасибо тебе. За то, что не осуждаешь.

— Он тебе правда нравится?

Мама помолчала, и Ксения почувствовала, как её плечи

чуть расслабились.

— Он не Ален Делон, — сказала она наконец с тихим смешком. — Но говорит красиво. И слушать умеет. С ним как-то надёжно. А мне в моём возрасте только это и нужно. Рядом с ним я снова чувствую себя женщиной.

— Ну вот и решили. Сходите наконец-то в кино, как нормальные люди. И хватит прятаться.

— Я так устала сегодня, — вдруг сказала мама, отстраняясь и вытирая глаза. — И ты устала. Давай спать? Завтра трудный день, если ты решишься ехать.

— Если честно, я пока ничего не решила. Голова не соображает. День был совершенно не по плану. Я тоже пойду спать.

— Тогда я разбужу тебя в семь, — мама поднялась, собирая посуду. — Поезд в 10:20, если надумаешь. И не переживай, съездим вместе.

— Хорошо.

Мама снова обняла её, уже в дверях, и поцеловала в макушку.

— Спокойной ночи, доченька. Я рада, что мы поговорили. И что бы ты ни решила насчёт бабушки, знай: я тебя поддержу.

Ксения ушла в свою комнату, плотно прикрыла дверь и легла в постель, хотя было ещё только девять вечера. Но ритуал был нарушен, фильм смотреть не хотелось, всё равно уже ничего не исправить. День, который начинался с суббот-

ней идиллии и закончился вестью о бабушке, выбил её из колеи.

Она долго лежала без сна, глядя в тёмный потолок разглядывая паутину трещин. Мысли лезли в голову, как тараканы на тёплой кухне. Крутила в пальцах серебряную иконку на тонкой цепочке, и та холодила кожу. Думала об отце, таком чужом, далёком человеке, который вдруг всплыл из небытия. О бабушке, которую она совсем не помнила. О том, что у неё нет на них обиды, ни на того, ни на на другого. Это даже не равнодушие. Её всё устраивало и так. Но почему она не может вспомнить тот день? Почему память словно отрезана тупым ножом?

Закрыв глаза, Ксения почувствовала, как её накрывает волна воспоминаний и противоречивых эмоций. Перед внутренним взором возникли образы: зелёные глаза с золотыми крапинками — далёкие, но всё ещё живые в памяти; губы Коли, такие настойчивые и чужие; и наконец — мамины руки, обнимающие её с неожиданной, почти забытой нежностью.

«Поехать или нет?». — Думала она, проваливаясь наконец в сон.

Она не решила сейчас. Но где-то глубоко внутри, под рёбрами, уже зрело странное, тревожное чувство — предчувствие того, что эта поездка изменит всё. Или, возможно, вернёт то, что она потеряла много лет назад и даже не помнила, что теряла.

Сон подхватил её мягко, почти нежно, унося в темноту, и на самой границе между явью и забытьём ей почудилось, что кто-то шепчет её имя. Далёкий, сухой, надтреснутый, старческий голос, но властный. Бабушкин? Или просто ветер шуршит за окном, в голых ветках тополей?

Она не поняла.

И не хотела понимать. Пока что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.